

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

Издание подготовлено
к 210-летию
со дня рождения поэта

***РЕКА.
ПОЭТ.
ИСТОРИЯ.***

*Александр
Сергеевич
ПУШКИН
на Дону*

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2009

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. К. ЕРМОЛЕНКО**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГУК РО
«ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

СОДЕРЖАНИЕ:

Пушкинский Дон.....	5
Летя в пыли на почтовых.....	25
Льётся стих как волны Дона.....	56
Эти сказки.....	70
Тайный архив поэта.....	83
Ростов.....	99

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Пойдёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.

Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит, без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег печальный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленят грозного царя;
Там в облаках перед народом,
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идёт, бредёт сама собой.
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.

Александр Сергеевич Пушкин

ПУШКИНСКИЙ ДОН

Вот только что прочитали мы с Вами, уважаемый Читатель – такие до боли знакомые – волшебные строки.

Александр Сергеевич Пушкин...

О чём это он? «У лукоморья»?

О том.

Все наши краеведы отвечают совершенно категорично и не признают никаких альтернатив: Пушкинское лукоморье – это Таганрогский залив, место впадения Дона в Азовское море.

Вот так – легко, воздушно, изящно, гениально (как всё простое) – увековечил совсем ещё юный Саша Пушкин наши былинные края.

Совершенно справедливо (после знакомства с поэмой «Руслан и Людмила») Жуковский отдал ему пальму первенства: «Победителю ученику от побеждённого учителя». Василий Андреевич понял сразу: этого мальчика уже никому не переплюнуть.

Он оказался полностью прав: по сей день этот (проживший такую короткую – всего лишь 37 лет – жизнь!) россиянин Александр Пушкин является единственным на всей планете Земля писателем, которому были подвластны в абсолютно равной (гениальной!) мере – и проза, и поэзия, и драматургия.

Конечно, в литературном мире существуют и Гомер, и Вильям Шекспир, и Антон Чехов, и Иоганн Гёте, и Джордж Байрон, и Михаил Шолохов, и Александр Дюма, и Мигель Сервантес, и Сергей Есенин, и Данте Алигьери, и Михаил Булгаков, и Артур Конан Дойль, и, и, и....

Они все гении. Безоговорочно. Властители наших душ.

Но гении – в какой-то конкретной области словотворчества.

Александр Сергеевич Пушкин – один.

Вот как начинается свою (удостоенную Государственной премии) книгу «Судьба Пушкина» корифей советского литературоведения Борис Бурсов:

«Пушкин сразу начинался как Пушкин, а не как некий, пускай и в высшей степени одарённый, но ещё совершенно не сознавший своего истинного призвания поэт, которому суждено было лишь некогда стать Пушкиным. Он уже был им, только начиная свой путь. Первые же стихотворения Пушкина есть именно пушкинские».

Критики (причём, не только в нашей стране) венчают подобным же лавровым венком ещё одного великого россиянина – Михаила Юрьевича Лермонтова.

Кроме занятий литературным творчеством, тот – кстати – ещё писал великолепные картины и музыку; сочинял шахматные партии и математические задачи; изобретал какие-то механизмы. А ещё ведь был военным! Его наследие до конца, наверное, никогда не изучат – о многом мы знаем только из обрывочных воспоминаний друзей.

Возможно, это был бы гений, равный Леонардо.

Но родился Миша Лермонтов 15 годами позже, а прожил ещё меньше – неполных 27 лет.

Раз младше, значит, место – второе.

Наверное, правильно.

Великая река южных степей, прославленная в песнях, преданиях, былинах, легендах, давно обрела своё короткое и звонкое имя – Дон.

Сегодня мы обратим своё внимание на Пушкинский Дон.

Теперь, наверное, никто уже не знает, где на этих землях в позапрошлом веке в точности проходил ямской почтовый тракт в сторону Кавказа.

Но что Александр Сергеевич Пушкин проезжал именно здесь, на юге земли Войска Донского, – общеизвестно.

И генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский сообщал старшей дочери Катеньке (как он сам говорил, «писал род журнала») именно об этих, в то время необитаемых степях, где появлялись новые селения. И мы нескончаемо благодарны автору этих записок, потому что они позволяют увидеть наш край – в то далёкое время – глазами Пушкина.

Эти (не привлекавшие в прошлом серьёзного внимания исследователей) сведения объясняют многочисленные подробности о Донской земле в письмах Раевского, точность и живость его наблюдений и суждений.

Вот, к примеру, что писал генерал о безбрежной степи:

«За рекой мы углубились в степи, ровные, одинокие, без всякой перемены и предмета, на котором бы мог взор путешественника остановиться; земли, способные к плодородию, но безводные и потому мало заселённые, они отличаются от тех, что мы с

тобой видали, множеством травы, ковылём называемой, которую и скот пасущийся в пищу не употребляет, как будто бы почитает единственное их украшение.

Надобно признаться, что при восходе или заходе солнца, когда смотришь на траву против одного, то представляется тебе чистого серебра волнующееся море».

Естественно, где-то, по каким-то вопросам, мнения поэта и генерала не совпадали – слишком уж большая разница в возрасте и образе жизни.

Но в основном – одинаково.

В советском литературоведении эта тема – «Пушкин и Дон» – практически, не освещалась.

То есть – поэт был сослан на юг и – как-то сразу – оказывался в Одессе. Или отправлялся на Кавказ – и тут же из Москвы – попадал в Тифлис.

Ладно, пусть Ростов тогда представлял мало интереса. Но ведь ничего не сказано ни о Старочеркасске, ни о Новочеркасске даже в таких изданиях, как «Пушкинские места России» и «Тропа к Пушкину»!

Ну, после революции, понятно, было не до Пушкина.

Потом, в сталинские времена – о пребывании поэта на Дону не писали потому, что Иосиф Виссарионович ненавидел казачество.

А потом – уже, видимо, традиционно. Не переделывать же, в самом деле, защищённые диссертации...

«А ведь Пушкин бывал здесь не только проездом, - замечает краевед Василий Гнутов, - но, выражаясь

современным языком, и как экскурсант, турист, а в Новочеркасске в 1829 году задержался на продолжительное время».

Конечно, на землях Войска Донского, он уж очень подолгу не жил, но впечатления от этих поездок были огромными – отблески озаряют буквально всё творчество.

Например, именно пенный прибой Азовского моря под Таганрогом вдохновил Александра Сергеевича на создание тех божественных строк из «Евгения Онегина»:

*Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к её ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!*

Это – о Машеньке Раевской.

Позднее она – правнучка Михайлы Ломоносова, дочь героя Отечественной войны 1812 года Николая Раевского и жена декабриста князя Сергея Волконского – напишет:

«...Недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя из кареты, бросилась к морю любоваться им. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шёл за нами, я стала для забавы бегать за волной и вновь убегать от неё, когда она меня настигала; под конец у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась в карету. Пушкин нашёл эту картину такой красивой, что воспел

её в прелестных стихах, поэтизируя детскую шалость; мне было только 15 лет.

...В сущности, он любил лишь свою музу и облакал в поэзию всё, что видел».

А. Линин в историко-литературном очерке «Пушкин на Дону» по поводу воспоминаний Раевской отметил: «Спустя более пятидесяти лет (в 1872 году) этот эпизод описал в поэме «Русские женщины»... Н. А. Некрасов, изменив ряд фактических деталей и перенеся место действия в Крым».

*Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла:
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала;
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
И волны меня настигали!..
И Пушкин смотрел... и смеялся, но я
Ботинки мои промочила:
- «Молчите! идёт гувернантка моя!» -
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.
Я вспыхнула вся – я довольна была...
Теперь я стара, так далёки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюблённым в меня... но по правде сказать –
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме музыки: едва ли*

*Не боле любви занимали его
Волненья её и печали.*

Конечно, Николай Алексеевич Некрасов волен в своих поэмах менять Приазовье на Крым. Авторский домысел – святое дело.

Но мы – дончане – должны помнить, что былинная река оставила свой, очень значимый, след в жизни Александра Пушкина.

Хотя, конечно, могла ошибаться и сама мемуаристка – писались-то воспоминания через ой-ой сколько лет – так, во всяком случае, считает известный пушкинист Леонид Гроссман. И на Дону, тогда, если честно, было не до милых детских шалостей – в Ростовском уезде достигла как раз своего пика борьба крестьян за землю-за волю; и просто так бы из карет никто не высовывался...

В перестроечное и постперестроечное время увидели свет новые работы краеведов, затрагивающие эти моменты биографии поэта – открыты хранившиеся ранее за семью замками архивы.

Появились в печати новые книги – и не только донских пушкинистов – так или иначе касающиеся этих же страниц в творчестве Пушкина.

Давайте попробуем по возможности свести воедино самые (более-менее!) достоверные, просто интересные, давно известные и совсем недавно опубликованные материалы по теме «Пушкинский Дон».

Трудность у нас состоит в том, что существует путаница с датами – сложно определиться со старым и новым стилем. В начале XX века не все биографы

обращали на это революционное нововведение внимание: дворяне – просто игнорировали, выходцы из низов – не понимали.

А ещё – одно и то же событие иногда у Раевских, у прислуги и у Пушкина относится к разным дням. И выходит, что путешественники были сразу и в Екатеринославе, и в Таганроге.

Но, в конце концов, посетил Пушкин тот же Аксай днём – раньше, днём – позже, для нас уже не столь важно.

Главное – посетил!

Будем придерживаться традиционной хронологии.

...Итак, в 1820 году по дороге на Кавказ через Ростов проезжал генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский. С ним ехал поэт Александр Сергеевич Пушкин, слава которого уже гремела по всей России...

Но приехал Александр Сергеевич к нам на Дон не потому, что просто так ему захотелось.

Что же предшествовало этому – для нас – подарку судьбы?

То, что нам всем известно со времён школьных сочинений – 18-летний Пушкин пишет оду «Вольность».

*Тираны мира! Трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!*

Далее – садистские строки:

*Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.*

Потом:

*Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрёк ты Богу на земле, –*

что вроде бы относится к французскому королю Людовику.

Но уже в следующей строфе – упоминается Нева, очень прозрачно – убиенный Павел...

Кому ж понравится?

После такого произведения можно ли надеяться на снисхождение властей? На милость императора Александра?

Ода «Вольность» уже не дерзость мальчишки-лицеиста. В ней не намёк на цареубийство, а призыв к нему! А ведь тема смерти Павла – вообще запретная для александровского времени.

Ода распространяется в рукописных копиях с поразительной быстротой.

Но царь пока молчит.

Это – декабрь 17-го...

А в марте года 18-го торжественно открывается Польский сейм. Император Александр I выступает со своей знаменитой речью «о законно-свободных учреждениях» и вроде бы делает туманные заявления о возможности конституции.

Но поэт Александр Пушкин (который только что оправился от серьёзной болезни и поэтому, возможно, ещё не до конца разобрался в политической ситуации) не верит и откликается следующими строками:

Ура! В Россию скачет кочующий деспот.

...

Царь-отец рассказывает сказки...

Всё те же известные нам, опять-таки, со времён школьных сочинений «Сказки. Noël».

Прямой вызов императору.

Июль 18-го.

«Деревня».

Тоже расходится в рукописях.

*Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый
И рабство падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли, наконец, прекрасная заря?*

По сей день жива легенда, будто Пушкин написал «и рабство падшее, и падшего царя».

Царь опять молчит.

(Представьте себе, Уважаемый Читатель, подобный выпад во времена Ленина, Сталина, Хрущёва – и далее – по списку...)

Иначе реагирует двор. Константин Батюшков пишет Александру Тургеневу: *«Не худо бы запереть Пушкина в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою...»*

Почему царь так долго не реагировал?

Не воспринимал всерьёз?

Небожителю просто не до вчерашнего школяра? Или императоры всё узнают последними?

А может, жалел просто гениального юного идиота?

В конце-то концов, Александр Сергеевич Александру Павловичу в сыновья годится...

Но *«...всему же есть граница...»*, - слова самого Александра Сергеевича.

Кончилось всё тем, что в апреле 1820 года граф Михаил Андреевич Милорадович, генерал-губернатор Петербурга, получает высочайшее повеление сделать у Пушкина обыск. Разносится слух, что желторотого смутьяна-литератора отправляют то ли в Сибирь, то ли на Соловки.

Друзья – Энгельгардт, Карамзин, Васильчиков, Чаадаев, Гнедич-Оленин пытаются заступиться.

Наверху – глухо.

И вдруг – *«быть по сему»* – приказ-утверждение Александра I от имени управляющего Коллегией иностранных дел Карла Васильевича Нессельроде к главному попечителю колоний Южного края России генерал-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову.

Пушкина отправляют не в Сибирь, а на Юг, в благодатные края к самому доброму начальнику – генералу Инзову. Либералу. Масону.

Поэту выдаётся на проезд одна тысяча рублей (напомним: корова стоила тогда червонец!) из коллежских денег, назначаемых курьерам.

То есть, его не ссылают – отсылают курьером с депешей к Инзову; в депеше значится: попечителя колоний Южного края России назначают наместником Бессарабии.

Как случилось, что вместо Соловков Пушкин попал на Юг, вместо тюрьмы в благодатные края? Кто помог?

Как пишет Лариса Николаевна Васильева: «*Неужели?*»

Здесь, Уважаемый Читатель, мы предложим Вашему вниманию изыскания этой замечательной писательницы, которые дают всему происходящему (в том, 200-летней давности, литературно-политическом периоде) законченное логическое объяснение.

Давайте проследим за ходом мысли Ларисы Николаевны.

Она утверждает (кстати, в своих исследованиях Васильева вовсе не одинока, просто в её книгах всё очень чётко изложено), что той самой Музой, которую только всю свою жизнь (по определению Марии Раевской) и любил Александр Пушкин, была супруга императора Александра I.

Елизавета Алексеевна Романова – до замужества (в 15-летнем возрасте) – принцесса Луиза-Мария-Августа Баден-Дурлахская (или Дурлах-Баденская).

Очень умная, добрая, элегантная женщина.

Очень красивая – сохранилось достаточное количество портретов.

Сделавшая много хорошего для России.

Всегда бывшая верным другом и помощником супругу-царю.

Собственно, единственная из многочисленных заморских принцесс-невест, выучившая русский язык.

Никогда, практически, не упоминавшаяся советскими историками; хотя в XIX веке о ней написано очень много.

По одному из планов будущих декабристов – официальная претендентка на конституционный престол (ни в коем разе не самозванка как бабушка Великая Екатерина!).

Та, на чью долю выпало пережить и закат золотого века бабушки; и самодурство и убийство свёкра Павла; и грозу 12-го года; и расцвет тайных обществ; и апофеоз супруга Александра в Париже и его (погрязшую в кривотолках) смерть.

Очень несчастная женщина в личной жизни.

И – одна из первых сообразившая, что тут – за стенкой, в царском дворце – подрастает будущая гордость вверенной ей страны.

*... Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламенённою душой
Я пел на троне добродетель
С её приветной красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.*

1818 год.

Как говорится – ни прибавить, ни убавить.

Это – Александр Сергеевич Пушкин.

Вашему вниманию, Уважаемый Читатель, – отрывок из стихотворения, которое так и называется: **«Ответ на вызов написать стихи в честь Её Императорского Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны»**.

Последние четыре строчки нам всем также известны со школы, но относили их в наших учебниках почему-то к понятию «свержение царизма»...

Лариса Васильева систематизирует буквально по дням, как Пушкин *«пел добродетель»*, но мы остановимся лишь на периоде, предшествующем *«южной ссылке»*.

«10 июня 1817 года Александр I определил семерых выпускников в Коллегию иностранных дел. Среди них – Пушкин.

Это самое престижное распределение. Почему среди отличников его получает не лучший ученик? По своей знаменитости? Но стихи на русском и иностранные дела – какая связь?

Нет ли здесь тайного участия Елизаветы Алексеевны: своему любимцу место получше?»

Когда Милорадовичу поручили обыскать квартиру Пушкина, Николай Михайлович Карамзин пошёл не к Марии Фёдоровне – императрице-матери, как ему советовали; а к Елизавете Алексеевне – императрице-супруге, как сам считал нужным.

«Мария Фёдоровна интересовалась живописью и резьбой по камню. И симпатии к Пушкину не выражала. Она никогда не жила за стенкой Лицея, и Пушкин никогда не посвящал ей стихов.

Елизавета понимала Карамзина с полуслова. Даже если у неё не было бы к поэту особого отношения, ощущение долга перед развивающейся культурой страны подвигло бы её к действию.

Карамзин не ошибся – Елизавета повлияла на императора, и молодой человек вместо Соловков или Сибири отправился, можно сказать, на курорт.

Как удалось?

Тут появляются два скромных, весьма редко упоминаемых пушкинистами исторических лица: братья Лонгиновы – Николай и Никанор Михайловичи.

Первый бессменно работает секретарём императрицы Елизаветы, а также ведёт государственные дела двух высокопоставленных чиновников – Инзова и Воронцова.

Его брат – чиновник департамента исполнительной полиции, а с 1823 года – начальник отделения канцелярии Воронцова в Одессе.

Николай Лонгинов – настолько приближённая фигура к Елизавете, что ему вполне можно доверить такое дело, как устройство бывшего лицеиста, провинившегося перед императором, и определить на тёплое место в южные края.

Лонгинов, однако, не механический исполнитель поручения. Он прежде Карамзина явился к Елизавете, уже зная суть проблемы от Глинки, которому всё рассказал сам Пушкин.

Лонгинов и Глинка крепко связаны между собой.

Деликатность вопроса состояла в том, чтобы убедить Александра I отдать дело в руки Елизаветы.

...Царь «отдал» Пушкина жене, жена «передала» Пушкина Лонгинову, и они вдвоём решали, куда его отправить.

Долго искать не пришлось – на юг, к своему человеку. Таким для Лонгинова был добряк Инзов.

В Одессу из Петербурга на смену Инзову, но в более важном чине, приезжает граф Михаил Воронцов. В его свите Никанор Лонгинов – брат секретаря Елизаветы».

Кто скажет теперь, как было на самом деле...

Но – если, при содействии императрицы Елизаветы Алексеевны Романовой, у Дона есть возможность похвастаться тем, что наши предки принимали в гостях Александра Пушкина, то – уже за одно это низкий ей поклон.

«Царененавистничество большевистского периода нашей культуры, - пишет Васильева, - часто расставляло неверные акценты. Ну что могли Вяземский, Тургенев, даже Карамзин, кроме просьб, ходатайств, жалоб?

Лонгинов уже мог многое – потому что был при троне.

Елизавета могла ещё больше.

Александр I – мог всё».

Хотя, может, всё было совсем не так...

Может, царь уже точно знал свой (через пять лет) – то ли земной, то ли – в старцы Феодоры Козмичи – уход, и решил проявить великодушие? Неизвестно, что будет при следующей метле в короне?..

Кто теперь скажет?

Как бы то ни было, приехав в Екатеринослав (или Екатеринославль) – ныне Днепропетровск – в конце мая 1820 года, чиновник X класса Александр Пушкин представился генералу Инзову.

Он поселился на окраине города, в Цыганском куту, где около оврага стояло несколько еврейских домиков и корчма, и в последующие дни катался на лодке по Днепру – скорее всего, веселился, отмечал именины. И как писал брату Льву, *«выкупался и схватил горячку»*.

Тут по случаю, на Кавказ и в Крым и путешествует со своей семьёй старый генерал Раевский.

О бедственном состоянии друга узнал Раевский-младший.

От жесточайшей лихорадки молодого поэта лечил сопровождавший генерала военный врач Евстафий Петрович Рудыковский.

То, что принято в пушкинистике – от школьной до академической – называть ссылкой, по официальным документам называлось *«переводом на службу в попечительный комитет о колонистах Южной России»*, состоявший в ведомстве Коллегии иностранных дел и находившийся в Екатеринославе.

То есть, Александр Сергеевич официально отправлялся на службу.

Было ему – 21 год от роду.

Всего-то!

Возглавлял комитет Иван Инзов, который любил Пушкина и с лёгкостью (а может, и с облегчением), сразу же, всего лишь через две недели после приезда, отпустил его со службы (по просьбе генерала) в увольнительную на несколько месяцев.

В июне 1820 года Раевские вместе с Александром выехали из Екатеринослава, переправились через Днепр и двинулись дальше по Мариупольской дороге.

«Отсюда начиналась степь, и её воздух, настоящий на шафранном и белом доннике, неувядающих запахах чабреца и полыни, словно целебный бальзам, вернул Пушкину телесную силу и бодрость духа. Глядя на бескрайнюю равнину с высоким, сочным разнотравьем и купами золотого весеннего горюцвета на склонах пересекаемых балок, Пушкин думал, что отсюда шли на Киев печенегы, которых так славно поразила его Руслан в последней песне поэмы», - так пишет Василий Гнутов.

Поезд Раевских состоял из двух колясок и двух 4-местных карет. В одной карете ехали две младшие генеральские дочери – София и Мария, английская гувернантка мисс Мяттен, русская нянюшка барышень и Анна Ивановна – генеральская крестница (бывшая татарка Зара). В другой карете ехали сам генерал с доктором.

Генеральский же сын с другом примостились в одной коляске, а в другой – прислуга Раевских и дядька Пушкина Никита Козлов.

Вот таким вот образом, Александр Сергеевич присоединился к семейству своего приятеля Nikolas Раевского и попал к нам на Дон.

Трудно представить себе Пушкина за нудной канцелярской работой.

А уж в 21 год-то...

А тут, на знойном юге – родственница Раевских, знойная супруга губернатора – ещё одна Елизавета...

Вообще-то, старше Александра на 7 лет.

Ну и что?

Почтенная матушка Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой – родная племянница Григория Александровича Потёмкина, о своих интимных отношениях с которой сиятельный князь оставил конкретные – весьма недвусмысленные – воспоминания.

А сам Потёмкин-Таврический был младше своей венценосной возлюбленной. Ну а уж последний фаворит Екатерины II – Платон Зубов – был младше неё – ни много ни мало – на 37 лет.

Ну и что?..

Этот юный галантный стихоплёт – вчерашний лицеист. А в Царском селе уж, наверное, дворцовые сплетни были общеизвестны и обсуждались и в ученических каморках, и в светских салонах не один раз...

Александр, с его африканской кровью, о разнице возрасте не думает.

А Бальзак вообще воспел тридцатилетнюю!

Злые языки утверждают, что родившаяся 3 апреля 1825 года, Воронцова София Михайловна на самом деле – Александровна...

Ну что, опять же, сказать?

Похожа...

Узнать при пристальном исследовании можно многое, доказать – ничего.

Да и какая нам разница?

Для нас драгоценны те, мимолётно оставленные Её Величеством Историей, следы, которые связаны с пребыванием русского гения на Дону; а Михаил Семёнович Воронцов был генерал-губернатором южного края. Кстати, сделал – как лицо официальное – для Донщины много хорошего.

И то, что дерзкое перо выведет:

Полумилорд, полукупец,

Полумудрец,

Полуневежда,

Полуподлец.

Но есть надежда,

Что будет

Полным,

Наконец, –

всего лишь талантливо оформленная, но очень злая фальшь.

По многочисленным дошедшим до нас отзывам (как друзей, так и недругов), губернатор Юга был блестяще образован, в меру строг, очень щедр, смел, практичен и благороден.

В конце концов, и гении могут ошибаться, тем более двадцатилетние...

Но это тема для другого рассказа.

ЛЕТЯ В ПЫЛИ НА ПОЧТОВЫХ...

*Был и я среди донцов.
Гнал и я османов шайку...*

Написав эти строчки, Александр, возможно, придержал скользившую по бумаге руку. Вспомнилось совсем недавнее: армейские палатки... бивачные огни на горном перевале... свист картечи... казачья лава, устремившаяся на турок в чалмах и доломанах. И он сам – на коне, с казачьей пикой в руке...

В памяти всплыли знакомые лица казачьих офицеров...

Ещё в лицейские годы у поэта стал проявляться живейший интерес к вольнолюбивому, мужественному, но ещё во многом таинственному донскому казачеству.

По представлениям Московского государства XV-XVII веков казак – это вольный человек, бежавший на окраины страны, для избавления от крепостничества или непосильных государственных повинностей. С XVIII века в некоторых областях России казаком стали называть лицо из особого сословия земледельцев, обязанное – за определённые льготы – нести длительную военную службу в конном строю.

Наверное, сначала лицеистам было известно второе значение.

Война 1812 года запечатлела в национальном сознании образ казака-воина, героя Отечества, достойно закрепившего славу русского оружия в глазах Европы. Казак становится своеобразным символом военной удали и патриотического духа.

Огромную популярность приобрело имя атамана Матвея Ивановича Платова.

Тогда 15-летний Саша Пушкин в стихотворении «Пирующие студенты» восклицал:

*Бутылки, рюмки разобьём
За здоровье Платова.
В казачью шапку пунш нальём –
И пить давайте снова!*

Лицеисты с пристальным вниманием с первых дней Отечественной войны следили за ходом боевых действий. «В газетной комнате наперерыв читают русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях. Профессора помогают следить за ходом дел».

Со слезами на глазах читали опубликованное в газете «Северная почта» донесение Кутузова о Бородинском сражении. И уже совсем, не стесняясь, плакали, узнав, что москвичи первопрестольную покинули.

И с каким же неописуемым ликованием встретили в октябре 1812 года сообщение в той же «Северной почте» о вступлении в Москву казачьего отряда генерала Ивана Дмитриевича Иловайского!

Это имя запомнилось юному поэту.

С 1789 года Иван Иловайский – командир полка, участник Итальянского похода Суворова, во французскую кампанию дошёл до Парижа.

Спустя неделю после читки «Пирующих студентов», лицеисты приняли участие в торжественной встрече вернувшегося из поверженного Парижа лейб-гвардии гусарского полка, с офицерами которого они давно дружили.

Ну а завязать живое знакомство с казаками Саше Пушкину довелось уже после окончания Царско-сельского лицея.

В это время – 1820 год – на Дону ширилось грандиозное крестьянское восстание. Пока правительственные войска усмиряли сальских крестьян (в слободах Орловской, Городищенской), массовое движение перекинулось на Миус – в Елагинскую.

Центром сделалась слобода Мартыновская.

«Повстанцы Мартыновки обратились за подмогой к крестьянам окрестных слобод и хуторов, и те в большом количестве из каждой слободы следовали в Мартыновку каждый с дрючьями... единственно для того, чтобы в большом их там собрании устоять на своей стороне, где уже, как дознано, находится с других селений до нескольких тысяч душ», - писал в рапорте от 31 мая 1820 года судья Греков.

Правительство, напуганное грозным крестьянским выступлением, наделило генерал-адъютанта Александра Ивановича Чернышёва всей полнотой власти на Дону.

Чернышёв в одном из докладов писал председателю военного департамента Алексею Андреевичу Аракчееву: *«Обуявшие крестьяне всюду предались своевольству и, бросив господские и собственные свои работы, сливались в значительные толпы от 500 до 800 человек, и в таких партиях начали подходить к слободе Мартыновка».*

Затем крестьянское движение перекинулось в Ростовский уезд, с центром в слободе Лакедемоновке.

Раевские о волнениях узнали ещё в Екатеринославе.

Наверное, поэтому генерал не решился ехать по Кавказу без охраны. Путешественников сопровождали большие казачьи отряды. Пушкин по этому поводу писал своему брату Льву: *«Ехал в виду неприязненных полей свободных горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тянулась запряжённая пушка с зажжённым фитилём».*

Почтовый тракт тянулся вдоль берега Азовского моря через Мариуполь и Таганрог.

Перед взорами путников раскрывались с одной стороны водные просторы Азовского моря, подёрнутые голубоватой дымкой; с противоположной – необъятные шири и дали пёстрой приазовской степи.

Раевский писал: *«Близ Мариуполя открыли глаза наши – Азовское море. Мариуполь, как и Таганрог, не имеет пристани, но суда пристают по глубине ближе к берегу. 40 лет, как населён он одними греками, торгуют много хлебом, скотом, в 120 верстах от Таганрога, окружены землями плодородными, а хлеб, то есть, пшеница, и в теперешнее дешёвое время продаётся по 16-ти рублей».*

5 июня ранним утром Раевские и Пушкин прибыли в Таганрог и остановились на Греческой улице в доме градоначальника Папкова. Гостям предоставили комнаты на верхнем этаже.

«Город на хорошем месте, - писал о Таганроге Раевский, - строением бедный, много домов, покрытых соломой, но торговлей богат и обыкновенно вдвое приносит правительству против Одессы... По мелководию суда до берега далеко не доходят, а при мне

сгружали и нагружали оные на подмощенных телегах, которые лошади, в воде по горло, подвозили к судам».

Наутро кортеж двинулся далее.

Генерал писал о новом этапе поездки: *«...Поутру рано отправился в Ростов, что прежде был предместьем крепости Святого Дмитрия».*

До станицы Самбекской ехали 17 вёрст, до Морско-Чулукской – 14, до Мокро-Чалтырской – 20 и от неё к Ростову – ещё 17.

Перед посещением края императором Александром I в 1818 году Таганрогская дорога, как и другие, была приведена в божеский вид.

А вот сам Ростов в то время особого интереса для путешественников не представлял; его так же, как и Нахичевань, считали крепостным предместьем – «форштадтом».

В городе имелась лишь одна почтовая контора.

Гости проехали улицами Доломановского и Солдатского форштадтов и направились к этой конторе, от западных ворот крепости её отделяло расстояние около полутора вёрст. Находилась она недалеко от церкви Рождества Богородицы (сегодня на этом месте находится Ростовский Кафедральный собор).

Путники остановились неподалёку от земляного вала и башен. Они принадлежали крепости Святого Димитрия Ростовского, которая входила в хорошо продуманную систему южных оборонительных сооружений. Днём ранее же могли видеть Троицкую в Таганроге; а в стороне и позади остались Азовская в

устье Дона, упразднённые Лютик и Донецкая на Мёртвом Донце.

Все эти крепости выполнили свою роль на разных этапах закрепления России на Юге. Сведения о них были интересны не только Раевскому-младшему, но и Саше Пушкину, многие друзья которого были военными.

Сам Раевский-старший ещё 10-летним мальчиком (которого тогда звали просто Николенька) около года вместе с матерью жил в Димитровской крепости.

Его отчим полковник Лев Денисович Давыдов служил тогда в Кубанском корпусе под командованием Александра Суворова – усмирять ногайцев. Естественно, поселенцы крепости нередко встречались с Александром Васильевичем.

Здесь же Николенька познакомился с девочкой Алёной Пелёнкиной, дочерью одного из офицеров. (...Блестящий полковник Раевский навестит подружку юности в 1795 году – по дороге на Кавказ. Вероятно, их связывали какие-то ранние романтические отношения...)

И вот, во время поездки 1820 года (снова по дороге на Кавказ), Николай Раевский побывал у Пелёнкиной – уже генералом, с семьёй и другом сына – знаменитым поэтом.

Подробно рассказывая о поездке, он писал дочери: *«Крепость сия есть то место, где 37 лет тому назад жил почти год с матушкой по той причине, что Лев Денисович, командовавший полком, ходил на Кубань под командой Суворова, а чтобы рассмешить тебя,*

мой друг, напомним песенку, мной сочинённую девице Пелёнкиной и тебе известную, в которой я назвал её Лизетой, потому что к её имени, т. е. Алёны, я рифмы приискать не мог. В первый раз, ехав на Кавказ, при жизни её мужа, тому 25 лет, я у них обедал, нынче, узнав, поехал к ней, застал у них гостей; одна дочь замужем, другая же, 17 лет, в девицах и так хороша, как мало видел я хороших. Я посидел, посмеялись насчёт ребяческих лет наших и... расстались без слёз и сожаления».

То есть – «помню, я ещё молодухой была»...

Крепость к тому времени уже не производила такого впечатления, которое она оказывала на юного Николаеньку. С утратой своих оборонительных функций она (по законам мирного времени) всё больше напоминала город, хотя Ростовский гарнизон считался очень крупным – более двухсот орудий и пять тысяч человек.

Раевский же помнил не город, а именно, большую, хорошо оснащённую крепость; и его воспоминания о событиях прошлых лет возбуждали поэтическое воображение Пушкина.

Вид Димитровской крепости, как и мнение Раевского по поводу «хорошей» барышни, отложились в памяти. И позже он использовал их в работе над «Капитанской дочкой».

Но ожидания поэта не оправдались, и он не мог не быть разочарован.

Вспомним, в частности, удивление Петра Гринёва Белогорской крепостью, которая – по описанию в повести – очень напоминает крепость на Дону!

Гринёв ожидает увидеть грозные бастионы, башни и вал! А, въезжая в деревушку, замечает у ворот лишь старую чугунную пушку. Основная тема эпизода – несоответствие ожиданий восторженного молодого человека тому, что он видит в реальности – отражение воспоминаний самого поэта.

Зато провинциальный быт произвёл на вчерашнего лицеиста, выросшего в светском столичном кругу, очень сильное впечатление. Он впервые увидел удалённую от центра Россию. Её облик и нравы обитателей приграничных губерний видоизменяли представления о привычном мире.

Благодаря присутствию Раевского, знакомство Пушкина с Доном было многообразным и полным: в путешествии формировался интерес поэта к темам, которые станут основными в его творчестве – военная история России, правление Петра и Екатерины II, история казачества, характеры Разина и Пугачёва.

...И в многотрудном, штормовом историческом мире будет искать своё предназначение молодой дворянин, человек с провинциальной, ничего не говорящей фамилией: Дубровский, Бурмин, Гринёв.

И не случайно все эти герои военные.

Честь для них всех – превыше всего!

Невольно вспоминается рассказ генерала Раевского о том, как ему было передано предложение императора принять графский титул. Николай Николаевич ответил словами знаменитого девиза французского рода Роганов: «*Roy ne puis, Duc ne daigne, Rogan suis*» (королём быть не могу, герцогом не соизволяю, я – Роган).

Проехавших по территории крепости путников далее ждали Нахичевань и Аксай, на следующий день Новочеркасск, а ещё через день – Старочеркасск.

В Нахичевани внимание привлёк базар и многоязыкая пёстрая толпа

В Аксайской (не так давно оспаривавшей право у основанного в 1805 году Новочеркаска стать столицей Области Войска Донского) остановились на ночлег на ямщицкой станции, у переправы через Дон.

Отсюда открывался чудесный вид на Задонье.

По склону возвышенности кудрявились виноградники. На набережной (где сегодня проходит железная дорога) тянулись ряды жердей с развешенной таранью. От этих рядов на гору шла улица с множеством купеческих лавок, принадлежавших нахичеванским армянам. В одной лавке могли продавать сразу и сахар, и дёготь, и апельсины, и хомуты, и инжир, и колёсную мазь.

За станицей покатали до большого тракта Ростов – Новочеркасск. Тракт проходил через рощу и остатки сада дачи атаманов Ефремовых. Слева от дороги увидели огромный раскидистый дуб.

«Какое могучее дерево и какая сила жизни», - думалось Александру.

У лукоморья дуб зелёный...

Дуб этот, находившийся на территории хутора Большой Лог, захватил, кстати, и первую половину века XX. Сегодня во дворе Аксайского историко-краеведческого музея можно видеть спил части ствола – обхват 4 метра.

7 июня путешественники отправились в Новочеркасск в гости к атаману Денисову – давнему другу Раевского.

Новый Черкасск генерал описывал как город весьма обширный, *«но ещё мало населённый, на высоком степном месте, на берегу реки Аксай, которая теперь в половодье разливами соединяется с Доном, но различить их весьма можно по разности цвета воды»*.

Здесь Пушкин стал свидетелем радостной встречи боевых соратников – путешественники посетили атаманский дворец, в котором (после смерти Матвея Платова) хозяином стал генерал-лейтенант Андриан Карпович Денисов.

Свою воинскую службу Андриан Карпович начал в 13-летнем возрасте, в 1776 году, в полку своего родного дяди Фёдора Петровича Денисова. Тогда же получил чин есаула. Отличился в сражениях с турками. В 1787 году в бою у Кинбурна состоял ординарцем Суворова.

Во время знаменитого Итальянского похода командовал отрядом из восьми донских полков. Был удостоен нескольких орденов и золотой сабли с надписью «За храбрость».

Сражался с турками и французами.

Суворов запросто называл его Карпычем.

С живейшим интересом внимал вчерашний лицеист беседе двух военачальников о былых походах, о временах *«Очакова и покоренья Крыма»*, с любопытством присматривался к бытовому укладу донского дворянства.

Во время трапезы, по заведённому ещё Платовым порядку, песенники атаманского полка услаждали слух гостей – Пушкин был в восторге.

Отобедав у Денисова, путники отправились на шлюпке в обратный путь, в станицу Аксайскую. Плыли вдоль долин, холмов, рощ, виноградников.

«Ты можешь, - Раевский – дочери - легко представить чувства смотрящего на сии картины человека, коего сердце к приятным чувствам открыто быть может!»

Здесь же, в Новочеркасске, Николай Николаевич встретил ещё одного старого знакомого – генерал-майора Алексея Петровича Орлова.

С 1789 года Орлов командовал донским полком в Крыму, позже воевал под Очаковым и Измаилом. Как и Раевский с Денисовым, прошёл с боями Польшу в 1792 и 1794 годах. В 1799 году получил в командование лейб-гвардии казачий полк.

...Вот так молодой поэт знакомился с носителями донской героики.

От Орловых возвращались вечером. Было прохладно. Александр не захватил с собой шинели и поэтому продрог. Назад прибыли уже ночью, и у него сразу же начался новый приступ лихорадки.

Впоследствии доктор Рудыковский рассказывал: *«На Дону мы обедали у атамана Денисова. Пушкин меня не послушался: покушал бланманже и снова заболел. - «Доктор, помогите!» - «Пушкин, слушайте!» - «Буду, буду!» Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы. - «Не ходите, не ездите без шинели». - «Жарко, мочи нет». - «Лучше, чем лихорадка». - «Нет уж, лучше лихорадка». Опять сильные*

пароксизмы. - «Доктор, я болен». - «Потому что упрямы. Слушайте!» - «Буду, буду!» - и Пушкин выздоровел».

На следующий день отправились на шлюпках по Дону из станицы Аксайской в бывшую столицу Донского казачества – Старочеркасск. Как раз наступило время весеннего разлива.

«Сей разжалованный город в станицу ещё более залит водою. В нём осталось домов 700, в том числе несколько старых фамилий чиновников... Словом, Старый Черкасск останется вечно монументом как для русских, так и для иностранных путешественников», - вот так, на века, подытожил Раевский.

Жители с гордостью показывали гостям Воскресенский девятиглавый собор, Ратную церковь, торговые ряды и старинные каменные здания.

Здесь же путников угостили каймаком. По воспоминаниям старожилов, *«дюже Пушкину казачий каймак понравился. А вот от обеда у генерала отказался».*

Путешественники обошли в *«старом гнезде казачества всё, что там есть достойного»* и в тот же день переправились на левый берег Дона, откуда через почтовые станции – Батайская, Кагальницкая, Мечётинская, Нижне-Егорлыкская и далее – Ставрополь, Георгиевск – прибыли в Горячеводск и прожили там почти два месяца.

Они заглянули в Феодосию и Гурзуф, после чего Пушкин уже один отправился в Кишинёв (куда теперь была переведена канцелярия Инзова) и находился там по июль 1823 года.

Он сдружился с чиновником канцелярии Иваном Липранди, впоследствии оставившим обстоятельные воспоминания о своём общении с поэтом.

С 13 по 23 декабря 1821 года поэт сопровождал Липранди в его командировке по Бессарабии. В городке Леово они побывали в донском полку подполковника Захара Степановича Катасонова – участника всё тех же военных кампаний начала XIX века. Правда, сам командир как раз уехал на кордоны.

Гостей радушно принял адъютант и угостил отменным обедом.

Александр с нескрываемым восторгом знакомился с жизнью и бытом донского полка в мирное время. Ему всё нравилось. На обратном пути признался другу: *«Я люблю казаков за то, что они своеобразничают и не придерживаются во вкусе общепринятых правил»*.

Годы южной жизни оказались в поэтическом творчестве Александра Сергеевича Пушкина очень плодотворны.

В 1821 году он закончил поэму «Кавказский пленник».

Сюжетную канву поэт не выдумывал – подсказывала сама жизнь.

В 1722 году в руки горцев попал возглавлявший небольшой казачий отряд молодой донской старшина (из уже известного нам рода Иловайских) – Иван Мокеевич. В горах его заставили пасти скот. Лишь через несколько месяцев ему удалось бежать. Впоследствии Иван Иловайский командовал полком, участвовал в сражениях на Кавказе, в войне со Шве-

цией. Несколько лет являлся донским казачьим атаманом.

В 1773 году четыре месяца провёл в неволе у черкесов казак полка походного атамана Кутейникова 19-летний Еремей Сулацков, раненый дротиком в плечо.

В 1776 году во время всеобщего похода на Кубань в плену у горцев оказался 38-летний войсковой старшина Дмитрий Евдокимович Греков. Неволя продолжалась 10 месяцев.

Пушкин, тогда, конечно же, не знал о пережитом «кавказскими пленниками», но какие-то рассказы об испивших горькую чашу плена доходили до слуха чиновника X класса при Коллегии иностранных дел и равнодушным не оставляли...

Поездка по Донскому краю в 1820 году подарила целое созвездие новых, ярчайших и незабываемых впечатлений.

На завоеванных Россией территориях появлялись помещичьи хозяйства, владельцами которых становились и казаки; они получали землю за военные заслуги. Навязываемые донцам экономические отношения воспринимались как архаичные, и не случайно тема казачьего вольнолюбия становится одной из центральных в изысканиях Пушкина.

Поэт надолго запомнил то путешествие. Об этом сообщает запись в его черновике: «Степная крепость». Она сделана в конце января 1833 года – через 13 лет после Юга. До планов поездки в Оренбург был ещё месяц, а до их реализации – почти семь. Пушкин собирал материалы для «Истории Пугачёва» и во время поездки увидел множество крепостей, а Ниж-

не-Озёрную, расположенную на крутом берегу Урала, даже зарисовал.

Через девять лет после тех (проведённых в обществе очаровательных барышень, весёлого друга и сурового генерала) дней, Александр Сергеевич Пушкин снова отправился на юг.

Снова – со своим дядькой Никитой Козловым.

Поэту уже – тридцать.

Позади юношеские восторги. Уже приобретён какой-то житейский опыт.

Вообще-то, девять лет – не Бог весть какой срок. Глобальных изменений в южных краях не случилось.

Но воспринимать увиденное он будет уже по-другому.

Тем более, что это горячая точка – Россия воюет с Турцией.

...А сам он только что получил какой-то не совсем вразумительный ответ от матери прекрасной Натали – то ли его предложение руки и сердца приняли, то ли нет...

«Я просил руки её. Ответ ваш, при всей его неопределённости, свёл меня на мгновение с ума; в ту же ночь я уехал в армию. Вы спросите меня зачем? Клянусь Вам, что сам совершенно не знаю, но какая-то невольная тоска гнала меня из Москвы, я бы не мог там вынести присутствия не вашего, ни её».

...Во всяком случае, теперь поэт на Кавказ едет не по принуждению – по собственной воле.

И будет получать от шефа жандармов Александра Христофоровича Бенкендорфа выговоры за различные отступления от означенного маршрута.

Считается, что необходимость этой поездки вызвали гнетущие будни петербургского света, а также потребность материала для десятой главы «Евгения Онегина»: надо было ознакомиться с жизнью декабристов – в 1829 году в кавказской ссылке находилось более тридцати бывших членов тайных обществ.

Желание повидаться с братом, служившим на Кавказе, с давними друзьями (да и жгучее желание любого таланта получить живые впечатления для новых источников вдохновения) не давали покоя; и 5 марта 1829 года поэт выпрашивает разрешение для путешествия из Петербурга в Тифлис.

Хотя ещё в самом начале войны он подавал прошение о зачислении в армию, но ему отказали (возможно, Николай I берёт гениальное перо).

Выехал поэт 1 мая. По пути тайком заглянул в Орёл (навестил опального генерала Алексея Петровича Ермолова – недавно смещённого наместника Кавказа по подозрению в связях с декабристами), а затем снова повернул на Московский тракт, учреждённый ещё царём Петром I в 1700 году.

На тракте, примерно в 30 верстах одна от другой, были устроены коннопочтовые станции для отправления почты, а также для всех путешествующих.

На каждой станции имелись помещения для проезжающих, для прислуги и ямщиков, конюшни, кое-где – трактиры.

Едущие (не на собственных лошадях) имели «подорожную» – правовой документ за установленную плату получать на почтовой станции лошадей.

За каждую версту пути в 1829 году взималось по 10 копеек ассигнациями или по 25 копеек серебром.

Каждому проезжающему полагалось получать количество лошадей по чину. До 20 лошадей имели право получать чины первых четырёх классов по Табели о рангах.

Титулярному советнику А. С. Пушкину полагалась одна пара лошадей.

В полученной поэтом за подписью петербургского почтдиректора К. Булгакова подорожной указывалось:

«Почтовым местам и станционным смотрителям от С. Петербурга до Тифлиса и обратно.

Г. чиновнику 10 класса Александру Сергеевичу Пушкину, едущему от С. Петербурга и обратно, предписывается почтовым местам и станционным смотрителям давать означенное в подорожной число почтовых лошадей без задержания».

Во время поездки в Закавказье Александр Сергеевич Пушкин вёл путевые записки, которые легли в основу вышедшей несколько лет спустя книги «Путешествие в Арзрум».

9 мая поэт ступил на землю донских казаков, на тот участок Московского тракта, который называли Казанской дорогой, протянувшейся до Новочеркаска.

На этом участке имелся назначенный войсковым атаманом почтовый комиссар. Ему подчинялись станционные смотрители. Он следил за исправностью дороги, мостов, переправ. При нём имелась казачья команда.

На почтовых станциях между проезжающими и станционными старостами часто возникали споры, перебранки, переходившие в серьёзные скандалы –

возможно именно в этих местах впервые возникли у Пушкина (пока ещё смутные) намётки «Станционного зрителя».

Отличаясь любознательностью, Пушкин, наверняка, не преминул заинтересоваться первой на его пути донской станицей.

В таком случае узнал, что станица Казанская – одна из старейших на Дону. Ещё в 1638 года упоминался Казанский юрт, местность вблизи Казанного колодца и речки Казанки. А казачий городок (станция), возникший на лесистом острове, датировался 1690 годом.

Ко времени приезда Пушкина в Казанской было около 400 дворов и до пяти тысяч жителей, занимавшихся хлебопашеством, животноводством, рыболовством. В центре возвышалась каменная Архангело-Михайловская церковь.

Следующая крупная почтовая станция была в окружной станице Каменской, основанной в 1671 году. Проезжая главным в станице Донецким проспектом (после переправы через Северный Донец), видел белокаменную Покровскую церковь – только что перенесённую сюда из Старой Станицы. На Донецком проспекте теснились добротные полтораэтажные казачьи курени.

Проехав ещё сотню вёрст, поэт достиг донской столицы – Новочеркаска.

В этом городе он задержался. Сперва остановился на почтовой станции в центре ещё только застраивающегося города.

Но к нему тут же явилась целая делегация местных чиновников – его почитателей. Есаул Василий Васильевич Золотарёв пригласил к себе.

Поэт принял приглашение.

Есаул был сыном генерал-майора Василия Степановича Золотарёва, участника событий 1812 года. В данное время Василий Степанович со своим полком трудился на ратном поле Грузинской войны.

Впоследствии газета «Донской голос» писала, что *«в доказательство своей привязанности Пушкин сочинял экспромты есаулу Золотарёву и дарил их»*.

В черновых вариантах путевых записок поэт отмечает, что по приезде в Новочеркасск – случилась встреча с ехавшим в Тифлис родственником (хотя и очень дальним) – графом Владимиром Алексеевичем Мусиным-Пушкиным, сыном известного собирателя рукописей.

Мусина-Пушкина – в прошлом члена Северного тайного общества – после шести месяцев крепости отправляли на войну.

«Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вместе... Он едет в огромной бричке: это род укрепленного местечка, мы её прозвали Отраднюю. В северной её части хранятся вина и съестные припасы; в южной книги, мундиры, шляпы... С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами и пр. На каждой станции выгружается часть северных запасов, и таким образом мы проводим время, как нельзя лучше».

Пока Александр и Владимир, не торопясь ехали в бричке, из Петербурга с быстротой молнии летели

секретные распоряжения начальству на Кавказ – установить над обоими Пушкиными тайный и бдительный полицейский надзор.

По извилистой степной дороге катилась бричка из Новочеркасска в станицу Аксайскую к донской переправе. А далее – по задонским степям в сторону Лежанки и Ставрополя.

Возможно, друзья вспоминали *«преданья старины глубокой»* из собственных бурных биографий; а, возможно, если в бричке хватало вина, было не до воспоминаний...

..А степь цвела.

По пёстрому простору с изумрудными травами снова были разбросаны островки серебристого ковыля.

В *«Путешествии в Арзрум»* Пушкин замечает: *«Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности: показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественников»*.

В густой и высокой траве нетронутой степи гнездились чуткие и осторожные стрепеты и дрофы, а высоко-высоко парили ястребы, орлы и подорлики.

В сальской степи увидели стадо сайгаков.

По пути на Кавказ поэт побывал и в степях Калмыкии, где изредка попадались кибитки и паслись лошади, верблюды и овцы.

Далее дорога пролегла через почтовые станции Донской области: Кагальницкую, Мечётинскую, Нижне- и Средне-Егорлыкскую.

После Среднего Егорлыка начиналась Кавказская область со своими станциями: Песчанокопская, Медвежья, Преградная, Безопасная, Донская, Московская, а потом – и город Ставрополь.

В районе Донской и Московской станций ещё видны были остатки оборонительных казарм, обнесённые крепостными валами и рвами.

Кавказский тракт проходил обычно в стороне от населённых пунктов.

Ближе к Ставрополю пейзаж заметно изменился: с правой стороны тракта плотной стеной возвышался дубовый лес, виднелись холмы.

Сам город располагался на оврагах, небольшие домики прятались в садах. Главная улица была широкой, тянулась по скату горы и отличалась от остальных более красивыми и капитальными постройками. На ней находился гостиный двор с большим из жёлтого известнякового камня зданием, украшенным колоннами. Там же – остатки земляного вала и казармы с бойницами.

Ставрополь как областной центр вплоть до четвёртого десятилетия XIX века являлся резиденцией начальствующего управителя Кавказской областью и войсками, расположенными по всей Кавказской линии. Тут находился корпусной штаб и Комиссариатское депо.

Далее путь поэта лежал уже прямо на Кавказ.

27 мая Пушкин был в Тифлисе, где познакомился с издателем первой на Кавказе газеты – «Тифлисские ведомости» – Павлом Степановичем Санковским. Выходила газета на трёх языках: русском, грузинском и персидском.

Редактором русского издания являлся опальный донской историк Василий Дмитриевич Сухоруков, в то время находившийся в районе боевых действий с Турцией.

В Тифлисе поэт оставался до 10 июня.

Получив записку от старого приятеля Николая Раевского (прямо из театра военных действий) с просьбой *«поспешить к Карсу»*, Пушкин сразу же отправился туда, где стреляли пушки.

«Я приехал вовремя, в тот же день войско получило повеление идти вперёд».

Карс уже был взят, и Александр Сергеевич в нём не стал задерживаться.

Торопясь догнать армию, Пушкин потребовал у офицера-турка лошадей. Тот, в свою очередь, потребовал официальное разрешение. Сообразив, что *«по-русски турок не грамотен»*, поэт порылся в карманах и подал первый попавшийся листок. Турок внимательно написанное рассмотрел и, распорядившись положительно, бумажку вернул.

Роль «разрешительного» документа сыграл набросок стихотворного послания к «Калмычке»...

Корпус Ивана Паскевича вышел к Саганскому перевалу. Решено было двигаться через перевал и атаковать турецкий лагерь.

Поэта, как он говорил, «прикомандировали» к нижегородскому драгунскому полку Раевского.

14 июня 1829 года на перевале Саган-Лу завязалось сражение.

Пушкин стал свидетелем поединка донца с турецким удальцом. Этот храбрый казак – из донского полка ещё одного приятеля поэта – Петра Басова.

Пётр Трофимович Басов был опытным воином. Сражался с турками и французами с начала века в чине есаула и войскового старшины. С 1825 года подполковник Басов командовал полком своего имени. Перед приходом Пушкина (при штурме Карса) Басов был ранен в ногу, но остался в строю. Получил чин полковника. Полк его – за отличие в войне с Персией и Турцией – наградили личным Знаменем.

Пушкин всегда с уважением вспоминал Петра Басова.

...А в разгар боя у Саган-Лу поэт схватил пику убитого казака и бросился в гущу сражения! Такого от штатского человека, естественно, не ожидали.

Историк этого похода Николай Ушаков писал: *«Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собой незнакомого героя в круглой шляпе и бурке»*.

19 июня произошло кровопролитное сражение при урочище Каинлы. Турецкая пехота и кавалерия преградили путь корпусу Паскевича, в составе которого тогда были донские полки Басова, Карпова, Фомина и донская конно-артиллерийская рота подполковника Полякова.

Артиллеристы сотник Евсеев и хорунжий Шапошников получили в жаркой схватке ранения, но это не помешало им захватить вражеское орудие.

Турки не выдержали натиск и побежали.

Наблюдавший бой Пушкин писал: *«Меня обогнали конные наши отряды. Я увидел полковника Полякова, начальника казацкой артиллерии, игравшей в тот день важную роль, и с ним вместе прибыл в оставленное селение».*

26 июня корпус Ивана Паскевича подошёл к Арзруму (Эрзеруму). После непродолжительного боя город пал. Русские полки вошли в город. Поэта поселили во дворе сераскира – местного правителя.

В эти дни он много общается с офицерами полков, в том числе и с донцами.

«Вечера проводил я с умным и любезным Сухоруковым, сходство наших занятий сближало нас», - читаем в «Путешествии в Арзрум».

Общавшийся тогда с Пушкиным адъютант Раевского штаб-ротмистр Михаил Юзефович оставил нам такое наблюдение: *«Надо было видеть нежное участие, какое он оказывал донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имел несчастье возбудить против себя гонение тогдашнего военного министра».*

Знакомство же Пушкина с Василием Дмитриевичем Сухоруковым состоялось задолго до их личной встречи. Александр Сергеевич мог прочесть в 1823 году в петербургском журнале «Северный архив» статьи «Краткое историческое известие о бывшем на Дону г. Черкасске», а 1824 году в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» – «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия».

Через 9 лет Пушкин сослался на эти работы в «Истории Пугачёва».

В 1825 году вместе с декабристом А. Корниловичем Сухоруков издал альманах «Русская старина», в который вошёл его очерк «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях».

Пушкин с одобрением встретил издание «Русской старины».

Василий Сухоруков завёл в столице связи с литераторами и историками, познакомился с Николаем Михайловичем Карамзиным, был принят в Вольное общество любителей российской словесности, возглавляемое будущими декабристами Кондратием Рылеевым и Александром Бестужевым. Печатался в журналах.

Здесь заканчивал довольно обширную рукопись «Историческое описание Земли Войска Донского».

Но вскоре его судьба круто изменилась.

Выработанный Чернышёвым проект «Положения об устройстве Войска Донского» вызвал резкие возражения донского дворянства, усмотревшего в нём ущемление своих прав и привилегий.

Одним из активных участников донской оппозиции оказался и Василий Дмитриевич. К тому же – подозреваемый в связях с декабристами. Сухорукову велели сдать все «истории» своим помощникам и отправиться служить в донском полку на Кавказе.

Здесь и состоялась его встреча с Александром Сергеевичем.

7 июля Паскевич устроил званый обед, на котором присутствовали и Пушкин, и командиры донских полков, участвовавших в сражении у Арзрума.

Кроме уже упомянутых Басова и Полякова среди приглашённых были Аким Акимович Карпов, Григорий

Алексеевич Сергеев, Степан Евдокимович Греков, Степан Алексеевич Леонов, Григорий Петрович Победнов.

Ратные судьбы этих людей заинтересовали Пушкина, поэтому – о них несколько слов.

К династии прославленных донских военачальников принадлежал Аким Карпов 4-й, участник военных событий с 1812 года, а с 15-го – командир полка своего имени. Полк – участник войны с Персией и Турцией – получил наградное Знамя. Умер генерал-лейтенант Карпов в 90-летнем возрасте.

Казак станицы Цимлянской Григорий Сергеев прошёл ратный путь от рядового казака до генерал-майора. Воевал с французами в начале века, получил высшую солдатскую награду – Знак отличия Военного ордена (позже его назовут Георгиевским крестом). Отличился в бою у Кульма. Позже служил на Кавказе. Командовал полком в войне с Персией и Турцией. Полк также получил наградное Знамя, а его командир – золотое оружие с надписью «За храбрость».

Рядовым же казаком начал военную службу и Григорий Победнов. Участник всё тех же сражений начала века. Получил несколько орденов, чин полковника. В войну с Турцией командовал отрядом из нескольких донских полков.

Участник сражения у Арзрума Степан Леонов командовал полком с марта 1828 года. Имел чин генерал-майора. Краеведы предполагают, что он был родственником донского поэта Алексея Леонова.

Был на званом обеде 7 июля 1829 года и представитель ещё одной династии донских военачальников – Степан Греков, чей полк особо отличился у Арзрума и Ахалцыха. Молодой Греков отважно сражался с тур-

ками, заслужив чин секунд-майора. При знаменитом штурме Измаила был ранен картечью в руку. За отличие при штурме крепости Мачин в 1791 году удостоен Золотой медали. С 1798 командовал полком. Участвовал в Отечественной войне, получил орден Святого Георгия 4-й степени.

Вот с такими вот представителями славного Дона судьба связала уроженца Москвы.

Корпус Ивана Паскевича продолжал вести боевые действия против турок, а Александру Пушкину пора было собираться домой. Он отправился назад 19 июля.

В августе поэт снова на Дону. На переправе у станицы Аксайской радостно приветствовал великую казачью реку:

- Здравствуй, Дон!

В одной коляске с поэтом ехал Василий Андреевич Дуров – сарапульский городничий и брат знаменитой кавалерист-девицы Надежды.

По словам Михаила Ивановича Пущина, это был картёжник и циник, но мастер рассказывать забавные истории, чем и потешал Пушкина.

Дуров был без гроша, Пушкин – тоже.

«Но ни у того, ни у другого не было денег на дорогу. Я снабдил ими Пушкина на путевые издержки. Дуров приютился к нему», - писал Пущин.

По воспоминаниям старожиллов станицы Аксайской известно, что по вечерам Пушкин восторженно слушал на улицах казачьи песни, записывал их.

Потом – Новочеркасск. Здесь он остановился у друзей опального историка Сухорукова Сербиновых.

Считается, что встречался и с войсковым атаманом Дмитрием Ефимовичем Кутейниковым. Это был боевой генерал – в походах с 13 лет, сражавшийся и с черкесами на Кубани, и с турками, и с французами. В 1812 был ранен саблей в руку. С 1820 состоял членом Донского комитета. А с 23-го был войсковым атаманом.

По утверждению учителя истории Ивана Рыбкина, Пушкин *«по предложению атамана Кутейникова был принят в донские казаки»*.

Так это или не так, мы поговорим далее, но, во всяком случае, после своих южных путешествий поэт имел веские основания утверждать: *«Был и я среди донцов!»*

А задержался поэт в Новом Черкасском граде всё по той же одной единственной причине – безденежье. Копить он не умел никогда.

И его гостевание в Новочеркасске по возвращении из Арзрума нашло отражение в преданиях горожан, сохранивших любопытные своеобразные факты.

С. Соболев. Газета «Донской вестник». 1868 год. Статья «Пушкин в Новочеркасске»:

«Когда народный поэт наш проезжал на Кавказ в 1829 году и достиг до Новочеркаска, то обстоятельства заставили его пробыть здесь более, чем он предполагал. Надобно заметить, что, приехав в Новочеркасск, автор «Руслана и Людмилы» остался без денег.

Незабвенный Александр Сергеевич попытался обратиться к тогдашней аристократии с просьбой снаб-

дить его деньгами на дорогу. Но так как даже именитые люди того времени не следили за отечественной литературой и, по всей вероятности, не придавали и главным её представителям ровно никакого значения, то просьба поэта осталась без дальнейших последствий, и он в отчаянии начал писать письма к своим знакомым в Петербург и Москву с мольбами выручить из беды. Но когда получатся ответы?..

Служащая, а, следовательно, и более грамотная братия того времени всё же знала о существовании Пушкина, а может быть даже и читала его творения, а потому, как только разнеслась между нею молва, что Пушкин здесь, дьяки, повытчики и некоторые другие члены бывшей войсковой канцелярии сговорились собраться и представиться поэту.

Один из дьяков, хотя и заикался, но говорил печатным языком, высокопарно, и считался почему-то более всех способным стать во главе представившихся, чтобы оказать поэту должное приветствие.

Наступил праздник, собрались и пошли. Пушкин квартировал в то время в доме бывшем Сербинова (теперь вдовы Лончуткиной) на Александровской улице близ Михайловской церкви. Собрание явилось и, не найдя в передней лакея, начало входить прямо в залу, где, обратившись к окну, стоял поэт и барабанил в стекло. Глава пришедших выступил вперед и, откашлявшись, начал:

- Узнав о посещении и... нашего... города величайшим поэтом всех... времён и... народов, и... сочли за особое счастье представиться, чтобы и... лицезрением и...

Пушкин, повернувшись к пришельцам, спросил:

- Кто вы такие?

- Дьяки и... войсковой и... канцелярии...

- Извините меня, - желчно ответил поэт, - я приказных терпеть не могу. - С этими словами он отвернулся к окну и стал барабанить по-прежнему.

Пришедшая публика в тот же миг повернула из зала».

Конечно, случай этот характеризует поэта далеко не с лучшей стороны; но как говорится, чем богаты...

Хотя – ведь на пути «туда» – приходила целая делегация почитателей! Что-то тут не складывается...

Выручил, вроде бы, купец Сербинов.

В Новочеркасске и сегодня живут потомки торговых казаков Сербиновых и очень гордятся тем, что один из предков оказал услугу самому Александру Сергеевичу.

Но это пока – версия.

Любопытен и другой эпизод, рассказанный тем же Соболевым в книге «Портретная галерея русских деятелей. Сто портретов».

Совершая прогулку по Новочеркасску, Пушкин набрёл на книжную лавку казака Жидкова. Порывшись в старом книжном хламе, Пушкин купил за несколько копеек старенькую греческую книжку и спросил у хозяина, есть ли в этой лавке «Евгений Онегин»? Хозяин ответил, что есть. Пушкин спросил о стоимости, но хозяин запросил очень высокую цену. Пушкин, разыгрывая роль покупателя, удивлённо воскликнул:

«- Помилуйте, за что же так дорого!?»

- Сделайте одолжение – за эти сладенькие стихи следует брать ещё дороже!

Эта оценка звучала в устах книгопродавца как высшая награда и похвала Пушкину».

А анонимный автор опубликовал в «Казачьем сборнике» сообщение (со ссылкой на донского поэта Алексея Леонова, умершего в 1882 году) что Пушкин в Новочеркасске жил в доме одной вдовы-офицерши, у которой хранился оригинальный старинный костюм и головной убор донской казачки – шёлковый колпак с вышитыми яркими цветами.

Однажды Пушкин надел этот колпак на голову и вышел на балкон, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих: то ли мужчина в чепчике, то ли женщина с бакенбардами.

У казаков *«рядиться в бабьи одёжины»*, вообще-то, не принято...

Уезжая, поэт уговорил хозяйку продать ему головной убор. Отказать такому гостю, казачка, конечно же, не смогла!

Вернувшись в Петербург, Пушкин не забыл своего арзрумского приятеля Сухорукова.

Летом 1831 года он обратился к Бенкендорфу с просьбой об облегчении участи историка, разрешить заниматься делами, *«на которые употребил он пять лет времени, и потом заняться составлением истории донских казаков, которую он надеялся посвятить Великому князю наследнику»*.

Бенкендорф запросил мнение Чернышёва и после этого в письме к Пушкину дал понять «дерзость» не только жалоб Сухорукова, но и ходатайства о нём Пушкина.

К тому времени за смелые публикации в «Тифлисских ведомостях» (по распоряжению того же Чер-

нышёва) Сухорукова отправили под арестом на Дон, потом выслали в донской полк в Финляндию, снова вернули на Дон, а с августа 34-го опять отправили на Кавказ, под пули горцев.

Весной 1836 года он получил письмо, в котором Александр Сергеевич приглашал к сотрудничеству в своём журнале «Современник»:

«Пришлите мне что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений».

Однако ничего не получилось. В Новочеркасск Василий Дмитриевич вернулся в 1839 году больным, и вскорости умер.

О нашей донской вольнице Пушкин писал сам.

ЛЬЁТСЯ СТИХ КАК ВОЛНЫ ДОНА...

Тема вольного Дона настойчиво входит в русскую изящную словесность.

Юный Саша Пушкин наверняка знал стихотворение «Вихрь-атаман», с которым Василий Андреевич Жуковский связал славу нашей былинной реки – посвящено оно всё тому же знаменитому Матвею Платову.

Он и сам пишет своего «Казака», с подзаголовком в рукописи *«подражание малороссийскому»*.

Давайте послушаем мнение профессора Ростовского университета Нины Владимировны Забабуровой о донских мотивах в творчестве поэта.

Нина Владимировна напоминает, что речь в стихотворении «Казак» идёт именно о казаке с Дона:

*Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,*

*И помчался конь стрелою,
К избам завернул.*

Но вот одет этот «донец» (обращает она наше внимание) явно на манер казака запорожского:

*Чёрна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.*

Разумеется, бессмысленно было бы требовать от юного лицеиста этнографической точности. Скорее всего, эта смесь малороссийского и донского колорита возникла ненамеренно, но она красноречиво свидетельствует: о «донцах» поэт уже слышал и именно с ними соотносит этот образ.

С пушкинским казаком связывается вполне определенная сюжетная ситуация: он явно едет домой, возвращаясь с военной службы. Потому он один и вокруг него чужой пейзаж – и явно не малороссийский и не донской:

*Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь – дорога к деревушке,
Там – в дремучий бор.*

В этой среднерусской глуши и находит казак себе девицу-красавицу, заманивая её в «дальний край» – туда, на далёкий юг.

Шутливая концовка пушкинского стихотворения:

*Был ей верен две недели,
В третью изменил, -*

является этаким своеобразным аккордом, придающим законченность пушкинскому образу «удалого казака», созданного для ратных забав, а вовсе не для прозы семейных будней...

С тихим Доном и донскими казаками будущий гений встретится – уже непосредственно – в 1820 году. На горных перевалах дорожный обоз генерала Раевского сопровождали казачьи отряды.

Эти свои новые впечатления поэт впервые выразил в поэме «Кавказский пленник», следуя собственной музе, которая

*Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржанье табунов.*

Посвятил своё новое произведение Александр Сергеевич другу Nikolas.

Героем поэмы стал оказавшийся в плену у горцев участник Кавказской войны раненый молодой казак. Его полюбила юная черкешенка и помогла бежать. Поэма заканчивается строками:

*Редел на небе мрак глубокий.
Ложился день на тёмный дол.
Взошла заря. Тропой далёкой
Освобождённый пленник шёл.*

*И перед ним уже в тумане
Сверкали русские штыки,
И окликались на кургане
Сторожевые казаки.*

Читателями поэма была встречена восторженно, вызвала множество подражаний малоизвестных авторов.

Успеху способствовало и то, что сюжет был явно злободневным!

Нина Забабурова замечает, что в поэме возникает неожиданный контраст между миром горцев, с их природной воинственностью, и казаками, несущими по заведённому порядку сторожевую службу. Они становятся лёгкой добычей одиноких и ловких горцев, охотящихся за ними в безлунной ночи.

Драматичен эпизод такой охоты, вне всяких сомнений, описанный Пушкиным, что называется, с натуры. Горец очень тихо плывёт, а казак, смотрящий со скалы на тёмную реку, ничего в ночной мгле не видит, потому что мысли его очень далеко:

*О чем ты думаешь, казак?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертном поле свой бивак,
Полков хвалебные молитвы
И родину?... Коварный сон!
Простите, вольные станицы,
И дом отцов, и тихий Дон,
Война и красные девицы!*

В пушкинской поэме героическим становится мир горцев, защищающих неприкосновенность своего отчего дома.

А вот образ казака (брошенного судьбой в этот чуждый и далёкий мир, где война идёт по неизвестным и непонятным ему законам; где на каждом шагу его подстерегает ловушка, перед которой свойствен-

ная ему доблесть бессильна) приобретает трагическое звучание.

Поэтому в эпилоге Пушкин возвращается к теме русского оружия, которому, как он уверен, суждена миротворческая миссия:

*Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.*

Но это дело будущего – увы, даже для нас, живущих уже в веке XXI – необозримо далёкого.

Поэт очень тонко постиг весь глубинный трагизм проблемы, заложником которой в его пору становилось казачество. И образ «беспечного» казака, тоскующего в ночных горах над чужой шумящей рекой – о далёком тихом Доне – становится у поэта поистине символическим.

Поэт наблюдал, вслушивался и понял нечто для себя неожиданное.

В письме брату Льву он обронил многозначительную фразу: *«Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков – теперь тебе не скажу о них ни слова».*

Умолчания – скорее всего – цензурного характера. Остается лишь сожалеть, что эти пушкинские «замечания» до нас не дошли.

После путешествия на Дон (и тех наблюдений и разговоров, которые Александр Сергеевич не доверил бумаге) в его поэтическом сознании появляется и иной образ казака – бунтаря и мятежника, готово-

го платить за столь высоко ценимую им волю всё, что угодно.

В неоконченной поэме «Братья разбойники» такой казак – достойный представитель удалой шайки, живущей по своим преступным законам:

*Здесь цель одна для всех сердец –
Живут без власти, без закона.
Меж ними зрится и беглец
С берегов воинственного Дона,
И в чёрных локонах еврей,
И дикие сыны степей.*

*...Опасность, кровь, разврат, обман –
Суть узы страшного семейства.*

В письме к Вяземскому Пушкин отмечал: «Вот тебе и разбойники. Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из них мною не выдуманы».

Действительно, он был свидетелем побега из Екатеринославской тюрьмы дончан – братьев Засориных.

Этот же мотив вольницы продолжается в пушкинских «Песнях о Стеньке Разине».

Разбушевавшаяся стихия нашептывает Стеньке, заманивая его в море синее:

*Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян...*

Пушкин сохраняет смысловые акценты народной песни, потому Стенька – это, прежде всего, разбойничий атаман, добывающий в своих набегах богатую поживу, которой он одаривает и матушку-Волгу, и астраханского воеводу, позарившегося на дорогую шубу.

В письме к брату Пушкин назвал Разина *«единственным поэтическим лицом русской истории»*.

Это можно понимать по-разному, но, скорее всего, подразумевается связь этого образа с фольклорной традицией. Ведь именно о Разине были созданы в народе многочисленные песни, былины и сказы, а его удасть ассоциировалась с богатырством и широтой души. (Во всяком случае – Пугачёва – в сравнении с Разиным, к примеру, – народное творчество подобными эпитетами не наделило).

Поэт собрал большое количество песен о Степане Разине, подготовил их к печати и направил сборник на цензуру Николаю I.

Но Бенкендорф ответил Пушкину, что *«государь император изволил прочесть с особым вниманием...»*, и *«Песни о Стеньке Разине, при всём поэтическом своём достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь прокликает Разина, равно как и Пугачёва»*.

Позже Пушкин недовольно писал: *«Стансы к царю им позволены, песни о Стеньке не пропущены»*.

Тема казачества поэта не отпускала.

Нина Владимировна Забабурова указывает, что *«в Михайловском Пушкин работал над «Борисом Годуновым», поднимая исторические документы и впер-*

вые пытаюсь постичь смысл большого исторического времени. События его драмы разворачиваются в начале XVII века, а о казачестве, по замечанию самого поэта, в истории начали упоминать не ранее XVI века.

В этом он следовал за Карамзиным, который писал: «Но важнейшим страшилищем для варваров и защитой для России, между Азовским и Каспийским морем, сделалась новая воинственная Республика, составленная из людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу Веру, а в лице своём представляющих смесь европейских с азиатскими чертами; людей неумолимых в ратном деле, природных конников и наездников, иногда упрямых, своевольных, хищных, но подвигами усердия и доблести изгладивших вины свои – говорим о Донских Казаках, выступивших тогда на театр Истории».

Поэтому особенно любопытно то, что казаки появляются в «Борисе Годунове» как реальная сила, причём оппозиционная по отношению к Борису. Они стекаются в Польшу под знамена самозванца вместе с опальными холопами из Москвы. Вот этот интереснейший эпизод:

САМОЗВАНЕЦ

Ты кто?

КАРЕЛА

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царёвы ясны очи
И кланяться тебе их головами».

Дальнейшее развитие тема эта получила в поэме «Полтава».

Обычно отмечают, что «Полтава» явилась в определённой степени ответом на поэму Кондратия Рылева «Войнаровский». Один из главных героев – Мазепа – бунтарь и герой, отстаивающий гражданские свободы.

Для Александра Пушкина же исторический Мазепа – прежде всего честолюбец, вложивший в бунт свои личные политические амбиции.

В «Полтаве» развернувшееся в ту пору на Дону восстание Кондратия Булавина связывается именно с политической интригой гетмана:

*Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги:
Там на Дону казачьи круги.
Они с Булавиным мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра
Стращают буйную ватагу
Самодержавием Петра.*

Как известно (и об этом не мог не знать Пушкин), восстание Булавина раскололо Дон и не было поддержано значительной частью низового казачества, отказавшегося выступить под знаменем «вольности кровавой». Поэтому казаки в «Полтаве» также принадлежат разным лагерям. Если Мазепа окружён «толпой мятежных казаков», то авангард войска Петрова составляют казачьи «отряды конницы летучей».

Свою рану (как указал Пушкин в примечании) шведский король накануне боя получил при встрече

с казаками петровского войска: *«Ночью, Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нём три выстрела и жестоко ранили его в ногу»*.

Великолепное описание Полтавской битвы открывается следующими строками – прелюдией боя:

*Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь, строятся полки.*

Завершается поэма описанием бегства Мазепы в сопровождении поверженного шведского короля. Во время ночной остановки на заброшенном хуторе ему встречается безумная Мария. А отступающие вместе с Мазепой казачьи отряды совершают свой обычный походный ритуал:

*Редела тень. Восток алел.
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у брегу Днепра
Коней расседланных поили.*

Путь Мазепы – в чужие края и к бесславной кончине...

А что они?

Скорее всего, их ждёт столь же бесславное возвращение в родные края.

Апофеоз Петра, которым завершается пушкинская поэма, определил и расстановку исторических акцентов.

Итак, определились два образа, две ипостаси – казачество как воплощение мятежа, оппозиции, вольницы, и – казачество как оплот службы государевой и воплощение благородной воинской доблести.

Вот как описывает Пушкин одно из сражений – на перевале Саган-Лу – оно особенно запомнилось. Эта схватка нашла отражение в стихотворении «Делибаш»:

*Мчатся, сшиблись в общем крике,
Посмотрите: каковы?
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.*

Во время пребывания на Кавказе у Пушкина появился и черновой набросок стихотворения «Был и я среди донцов»:

*Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привёз нагайку.
(На походе, на войне)
Сохранил я балалайку,
С нею рядом на стене
Я повешу и нагайку.
Что таиться от друзей –
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берёг свою нагайку.*

В Новочеркасске к Александру Сергеевичу явился его горячий почитатель – 17-летний воспитанник пансиона Харьковского университета Адам Чеботарёв.

Пушкин радушно принял юношу и ему первому прочитал недавно родившееся стихотворение «Дон».

*Блеща средь полей широких
Вот он льётся!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далёких
Я привёз тебе поклон.*

*Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привёз тебе поклон.*

Написано оно, скорее всего, в Аксае. В Новочеркасске, как известно, Дон не протекает.

И действительно, как пишет Скрипов: «Если смотреть со двора бывшей Аксайской почтовой станции на юг и восток, то перед глазами развернётся картина широких полей, простирающихся на десятки километров, а через эти поля льётся и блещет под солнечными лучами река Дон».

*Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.*

В этих строках поэт в связи с окончанием войны выражает радость казаков, возвращающихся домой. По пути они поят лошадей в реке Арпачай, которая

была границей между Турцией и Российской империей.

Затем – обращение к Дону:

*Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.*

Адама Петровича Чеботарёва хорошо знали на Дону как видного общественного деятеля. Генерал-лейтенант Чеботарёв много лет служил в Главном управлении иррегулярных войск. Но о том, что поэт читал ему своё стихотворение, поведали много лет спустя его знакомые. А вот сам он в своих воспоминаниях о таком примечательном факте не упоминает.

Так что, возможно, всё было несколько иначе.

В южных путешествиях Пушкина привлекали не только казаки с хитросплетениями их истории.

Поэт проявил живейший интерес к калмыцкому народу. И даже решился зайти в гости.

Отрывок из «Путешествия в Арзрум»:

«На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Всё семейство собиралось завтракать... Котёл варился посредине и дым выходил в верхнее отверстие.

Молодая калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, тёмно-румяное, багровые губки, зубы жемчужные... Я сел подле неё.

«Как тебя зовут?»... «Сколько тебе лет?».. «Десять и восемь». - «Что ты шьёшь?» - «Портка», - «Кому?» - «Себя».- «Поцелуй меня». «Неможна, стыдно».

Голос её был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью... Она предложила мне свой ковшик – и я не имел сил отказаться – я хлебнул, стараясь не перевести духа. Я просил заесть чем-нибудь, мне подали кусочек сушёной кобылятины. И с большим удовольствием проглотил его...»

Вероятнее всего, Пушкину не было известно о существовании у калмыков строгой морали. О каком принародном поцелуе могла идти речь?

По этому случаю в путевых наблюдениях записано: «Но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по голове, мусикийским орудием, подобным нашей балалайке. Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее.

Вот к ней послание, которое, вероятно, никогда, до неё не дойдёт.

*Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шёлком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,*

*Слегка Шекспира не ценишь.
Не погружаешься в мечтанье.
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: та дов`е
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? - Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! Не всё ль одно и то же:
Забиться праздною душой,
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?»*

Возможно, «взор и дикая краса» калмыцкой девушки подсказали поэту создание совсем других – не политических и не военных – образов?

ЭТИ СКАЗКИ...

Вся литературная жизнь Александра Пушкина – борьба против лицемерия, затхлости, за то, чтобы о нашей поэзии с полным правом можно было сказать:

Там русский дух... там Русью пахнет!

А разве другие поэты не стремились к этому? Стремилась, наверно.

Но страус не может летать – природой не дано.

Сравните только два кусочка:

*Там, на ветках, птички райски,
Хаживал заморский кот,*

*Пели соловьи китайски
И жужукал водомёт... –*

Гаврила Романович Державин.

И:

*У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит... –*

Александр Сергеевич Пушкин.

Не будь Пушкина, кто знает, сколько бы времени жужукал в нашей поэзии водомёт...

Ну, ладно, пусть Державин принадлежит всё-таки XVIII веку.

Но вот Жуковский! С его великолепными, насквозь пропитанными Европой, балладами!

Кто сейчас читает его «Ундину» – поэтический пересказ милой сказочки Виланда?..

Если честно, то кроме «Раз, в крещенский вечерок...» (раз в году, на святках), вообще ничего не поминается.

А пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке» знает любой из нас. И разве важно нам, что в основе её лежит немецкая сказка о рыбаке и камбале?

В 1997 году издательство «Современник» выпустило книгу учёного-радиофизика, историка и великолепного писателя-фантаста Владимира Ивановича Щербакова.

«Тайны Эры водолея».

К сожалению, не так давно автор от нас ушёл...

Так вот, Владимир Иванович предложил нашему вниманию не весомый научный трактат и не непрекаемое историческое исследование. Эта книга – ряд увлекательнейших рассказов о различных феноменах древности и современности: Атлантида, двойники, бессмертие, фокусник Дэвид Копперфильд, крылатые змеи...

Нам же «Тайны Эры водолея» интересны тем, что возможно, убирают ещё один заслон на нашем пути следования по Дону за Александром Сергеевичем Пушкиным.

Конечно, Щербаков – не профессиональный литературовед.

В этой области он – любитель. Дилетант.

Но давайте не забывать, что в истории нашей планеты есть прекрасный пример.

Дилетанты построили библейский ковчег.

Профессионалы построили «Титаник»...

«Слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» - и благодарный слушатель Арины Родионовны положил её сказания на бумагу.

Так родились гениальные «русские сказки» Пушкина.

Когда-то считалось, что начало пушкинскому повествованию положила сказка, известная по записи Александра Николаевича Афанасьева – с тем же, кстати, заглавием.

Позднее было высказано мнение прямо противоположное.

Но нет и прямых свидетельств, что образ золотой рыбки навеян рассказами няни!

А вот книга братьев Гримм в библиотеке поэта была.

Но, вообще-то, братьегриммовская сказка – не показатель.

*Тимпе-тимпе-тимпе-те,
Рыба камбала в воде!
Ильзебиль, жена моя,
Против воли шлёт меня!*

Под гениальным пером Пушкина сказка стала русской! А пойдя он по стопам братьев Гримм – и наш рыбак просил бы у рыбки сделать жену римским папою.

А это – неинтересно. Русским детям папа римский сто лет не нужен!

Им свой папа нужен.

После мамы.

И сказки Пушкина.

Арийская мифология и новые открытия в области истории, по мнению Щербакова, позволяют расшифровать пушкинские образы.

Вот и сказка о «Рыбаке и рыбке». Она возвращает нас к рыбке «золотое перо», которую пообещал выловить новгородец Садко.

Садко рыбачил в Ильмень-озере.

Но его древний предшественник (из славянских мифов) жил южнее, у современной Кубани. Первоначально рыбка «золотое перо» плавала ближе к нам – либо в Чёрном, либо в Азовском море.

А где обитала разговорчивая обитательница глубин из пушкинской сказки?

Уже первобытные люди почитали рыб и делали их каменные изображения. Рыбообразные существа имелись у многих народов.

Священные изваяния каменных рыб «вешапи» известны в Грузии.

Рыбы играли важную роль в ритуале синдов Тамани. На могилу умершего они бросали столько рыб, сколько он при жизни убил врагов.

Вот один из примеров по описанию искусствоведа М. М. Кобылиной:

«На пластине изображена полуфигура женщины в подпоясанном хитоне с украшениями на руках. Её волосы распущены, пышной массой падают на плечи, на голове – корона; на уровне живота изображена рыба; руки её симметрично подняты вверх, ладонями к зрителю – в жесте обращения к небу».

Всё свидетельствует о том, что эта женщина – богиня, пришедшая из древности.

Она – владычица священных вод, и с ней рядом изображена, естественно, рыба – её второй образ; разумеется, для богини вод не составляет труда обернуться рыбкой в случае необходимости.

Обитатели античного Приазовья поклонялись богине-матери – хозяйке Азовского моря. Её изображали с рыбами в руках или в виде рыбы.

К значению «мать», «материнский» восходит древнее название Азовского моря – Меотида.

И всё это ведёт нас в Причерноморье и в Приазовье.

Сам Александр Сергеевич считал, что рыбаки жили на берегу Синего моря. Синим морем в Древней Руси называли Азовское. Значит, и «золотое перо» и золотая рыбка плавали в одних водах.

Но золотая рыбка была особой.
Она умела разговаривать!

А говорящие рыбы в фольклоре встречаются довольно редко.

Такой способностью и была наделена «мать-рыба», которой поклонялись в Закавказье.

А как золотая рыбка выглядела?

Ни камбала из сказки братьев Гримм, ни другие породы рыб, известные по зарубежным сказкам, не дают представления о древнем мифологическом образе.

«Теперь, - говорит Щербаков, - можно ответить на этот вопрос.»

Ответ нам дают раскопки древних городов Боспора. Один из них – Танаис, Тана, основанный в III веке до нашей эры в устье Дона боспорскими правителями из фракийской династии.

Рельеф из Танаиса изображает богиню священных вод Анахиту, её руки подняты до уровня груди, в каждой – по рыбе. Размер рыбок примерно с человеческую ладонь... Сходство с морскими рыбами Северного моря отсутствует.

...Сегодня рельеф из Танаиса находится в Новочеркасском краеведческом музее».

А вот терракотовое изображение рыбки. Она – золотистая.

«Терракота из Причерноморья I века до нашей эры даёт гораздо более отчётливое представление о воспетой поэтом обитательнице морской стихии. У терракотовой рыбки большие, почти идеально круглые глаза, прижатые к корпусу верхний и нижний плавники, передающие стремительные движение, закруглённый хвост.

Корпус же золотой рыбки из раскопок необычный, почти ромбический. Всё вместе создаёт впечатление энергии, силы и вместе с тем – изящества, грации».

Владимир Щербаков обратил внимание на такую, на его взгляд, странность пушкинской сказки: «Привычно и естественно, - считает он, - когда морской царь распоряжается в своей собственной стихии – на дне морском он волен даже закатывать пиры. Но когда золотая рыбка в мгновение ока создаёт избы и барские хоромы на суше, а затем целые царские дворцы, то это воспринимается, говоря современным

«ЧИСТО ДЕЛОВЫМ» ЯЗЫКОМ, КАК «ВЫХОД ЗА РАМКИ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ».

Так кто же она, эта золотая рыбка?

По мнению Щербакова – та, чей портрет описан в «Авесте», – одном из древнейших письменных памятников человечества: *«Дева прекрасная, сильная, высоко подпоясанная, прямая, знатного рода, благородного».* Иными словами – это Ардвисура Анахита, владычица священных вод, богиня древнеиранского пантеона.

Но откуда такое предположение и каким потоком могло занести в наши края Анахиту?

Автор этой красивой гипотезы напоминает, что по меткому определению Цицерона, греческие города-государства Северного Причерноморья были *«каймай, подшитой к обширной ткани варварских степей».*

Простим оратору древности обвинение нас в варварстве – средства массовой информации того времени работали не лучшим образом...

Главное то, что в религии Боспорского царства переплелись культы греческих и местных богов.

Земли Боспорского царства охватывали не только «кайму», но и «ткань»: в его состав входили и области, населённые синдо-меотскими племенами Прикубанья и царскими скифами Подонья и Крыма-Киммерии.

Местное население было очень пёстрым.

Поэтому неудивительно, что и в Танаисе обнаружили рельеф с изображением богини Анахиты, в руках которой – по рыбке.

В отличие от Нептуна, богиня Анахита считалась хранительницей *«источника всемирных вод, стекающих с вершины первозданного кряжа в Божественном царстве света; древние арии верили, что священные воды эти дают начало всем водам и рекам на земле, питающим сады и поля, поэтому богиня вод Анахита считалась у них так же и покровительницей плодородия.*

Родственные иранским ариям скифы чтили её под именем Аргимпасы».

Вот кто, значит, попался в невод, заброшенный стариком в Синее море...

Финал у братьев Гримм тот же: всё, что дала, отбирает у зарвавшейся жены рыбака волшебная рыбка.

Мимо сходства сказок Владимир Щербаков, конечно, пройти не мог.

Напомним, что братья Гримм были прежде всего фольклористами, которые *«ходили в народ»*, записывали старинные сказки, предания, легенды и предлагали читателям их литературные обработки.

Существует версия, согласно которой сказка о рыбаке, его жадной жене и волшебной рыбке обогатила немецкий фольклор благодаря славянам. По другим представлениям, это – бродячий сюжет, истоки которого из нашего *«прекрасного далёка»* уже не разглядеть.

Но, по мнению Щербакова, в «Сказке о рыбаке и рыбке» Пушкин-то и попытался воссоздать её славянскую первооснову.

И прежде всего это относится к образу главной героини.

У братьев Гримм – это рыба-камбала, которая сразу же сообщает рыбаку, что она – не рыба, а заколдованный принц.

А почему у Пушкина – золотая рыбка?

«Эпитетом «золотой» в мифологии и фольклоре наделяется всё чудесное, связанное с идеей божественного, а также с символикой света, солнца, месяца, - делится размышлениями Владимир Иванович и возвращается к своей идее – рыбке как воплощению почитаемой в Танаисе богини. - Кстати, древние иранцы считали, что Анахита покровительствует не только небесной влаге – дождю как богиня вод, но и солнцу – небесному огню как супруга солнцезбога Митры и дочь Ахура-Мазды – божественного света».

Но при чём здесь славяне?

Щербаков строит такую цепочку: первоначально Анахиту знали в Малой Азии под именем Анаитис, мать богов.

И знаменитая Афродита Урания Апатура – это греческий вариант Анахиты.

«У славян имя древней арийской богини священных вод, - пишет автор, - было табуировано и заменялось эпитетом – иносказанием – Мокошь, Мокрешь, Макуша (от «мокрый», «мокнуть»). Из дней недели ей, как и иранской Анахите, была посвящена пятница. В христианскую эпоху её культ слился с почитанием святой Параскевы Пятницы (день памяти – 14 октября)».

Завершается этот отрывок указанием на удивительное совпадение: *«...на авторской рукописи «Сказки о рыбаке и рыбке» стоит дата: «14 окт. 1833»...»*

Неужто строки этой поэтической сказки Пушкину нашёптывала сама Анахита?

А вообще мог ли он знать о ней?

И о раскопках на берегах древнего Танаиса?

Ростовский художник Сергей Юрьевич Маханьков давно увлекается Танаисом, его историей и легендами.

Одна из его картин как раз и представляет нам Танаисскую богиню вод.

Анахиту Сергей Маханькин изобразил летящей.

Распластала она огромные крыла над греческой крепостью, в руках – две рыбки.

- Она у меня с крыльями, потому что крылатость – это особенность месопотамских божеств, - объясняет художник.

«Чем не ещё одна претендентка на прообраз той русалки, - пишет журналистка Марина Каминская, - скинула хитон, подлетела к дубу, покачалась на его ветвях...»

А что за рыбины держит?

- Сазаны: ведь у сазанов, не прудовых, а настоящих, природных – тёплая, золотистая окраска, - улыбается Маханькин.

Ну вот, и снова всплыла золотая рыбка!

Да, наверное, как иначе: где светлая богиня, там – и золото!

Кстати, идея о том, что имя или образ древней богини Анахиты могли промелькнуть у Пушкина, когда он работал над этой сказкой, Сергею Юрьевичу показалась небезосновательной и небесперспективной:

- Пушкин блестяще ориентировался в античной мифологии, интересовался археологическими раскоп-

ками: достоверно известно, что он знакомился с работой археологов и их находками в Керчи.

...Если к этим словам прибавить ещё убежденность научного сотрудника Музея-заповедника «Танаис» Валерия Фёдоровича Чеснока: любознательный Пушкин, несомненно, знал и о начатых полковником генштаба Иваном Алексеевичем Стемповским раскопках Танаиса, то отчего не представить, как сквозь магический кристалл поэт разглядел обращающуюся золотой рыбкой древнюю богиню?..

Мы с Вами, Уважаемый Читатель, перелистали сейчас только одну пушкинскую сказку – «О рыбаке и рыбке».

Рассказать обо всём в нашей маленькой книге нет возможности – это тема целой диссертации.

Упомянем только ещё некоторые донские мотивы.

Александр Сергеевич так много поведал в своих сказках, что они вызвали к жизни нескончаемую череду исследований и комментариев.

И всё же (как сейчас ясно представляется) всё яснее за волшебством строф проступает нечто поразительное – картины и образы древнейшей праславянской мифологии многотысячелетней давности.

Какие на Северном Кавказе названия рек?

Дон!

И – Гизельдон, Хайдон, Скуммидон, Савердон.

Привлекает внимание и образ Царевны-Лебеди. Таким же именем звалась сестра летописных основателей Киева.

Севернее Кубани была известна историческая область Эвлисия или Лебедия. Она примыкала к рекам Дон и Сал.

Дон, Сал, Лебедия...

Гвидон, Додон, Царевна-Лебедь, Салтан...

Не верится, что все эти имена у Александра Сергеевича случайны...

Заморские купцы достигали столицы царя Салтана водным путём, и при этом их маршрут непременно проходил мимо лежавшего в море острова Буяна.

А от казаков ещё в 1820 году поэт слышал, что где-то возле Багаевской лежит этот старинный остров с запрятанным драгоценным кладом Стеньки Разина.

Только где он зарыт, клад этот, никто не знает...

А всё ли мы знаем о Пушкине?

Конечно, нет. В безбрежном океане пушкинских творений нам будут открываться с годами всё новые и новые оттенки смысла – вряд ли в этом кто-либо сомневается.

Но, может быть, существуют и неопубликованные, никому не известные творения Александра Сергеевича, завещанные в своё время его далёким потомкам?..

Именно об этом говорил старый донской казак – преподаватель истории – Иван Макарович Рыбкин, когда с 70-х годов прошлого века начал обращаться в средства массовой информации и к пушкинистам, рассказывая о хранящемся у него тайном научном архиве Пушкина.

По словам Рыбкина, великий поэт (опередивший своё время и в качестве учёного) в 1829 году тайно привёз в Новочеркасск и передал на хранение наказному атаману Войска Донского Дмитрию Ефимовичу Кутейникову кожаный бювар, где находились его зашифрованные научные труды.

Русский гений описал будущее России, судьбы царей, генсеков, президентов, а также Законы Космоса, согласно с которыми можно управлять государством, делать открытия в науке, технике, музыке и поэзии. Там были принципиально новые математические модели Вселенной, ключи к постижению истинного смысла всем известных шедевров Пушкина, пророчества о судьбе России...

Архив, в котором *«наука дивная таится»*.

ТАЙНЫЙ АРХИВ ПОЭТА

Итак, полтора века хранили потомки славного дворянского рода Кутейниковых-Багратионов-Морозовых-Кузнецовых-Рыбкиных эти документы.

В особый «Совет хранителей» избирались не любые члены этого рода, а только люди особенно благочестивые, порядочные (к тому же, непьющие и некурящие).

Пушкин не случайно передал свой архив на хранение казачьему роду.

Александр Сергеевич вступил в казаки, как в своё время Суворов, Кутузов, Багратион, Толстой и другие великие люди (причём, утверждает Рыбкин, по этому случаю была выдана специальная грамота).

С 1952 года «ведущим хранителем» стал Иван Рыбкин.

К 1979 году новый хранитель (в соответствии с завещанием самого великого поэта!) создал в Таганроге музей его научных работ.

Министерство культуры страны, Академия наук, Пушкинский дом не признали этот музей.

Специалисты требовали показать им хотя бы один подлинник, ведь в противном случае – это просто шарлатанство. И специалистов можно понять – слишком много всегда было прихлебателей, желающих погреться в отражённых лучах славы гения.

Рыбкин утверждал, что предъявлял в своё время такие подлинники – но официальные пушкинисты требовали отдать им весь архив. Сразу не отдали – как всегда, вмешалась её величество бюрократия. А потом внезапно умер в Таганроге предыдущий хранитель – Николай Алексеевич Кузнецов. Родственники же просто выбросили его бумаги во двор (получился слой метровой толщины) и подожгли...

Такие же костры сопровождали и смерть многих других представителей рода Рыбкиных, у кого могли оказаться бесценные документы из архива.

В общем, сегодня в музее – копии.

Правда, Рыбкин предполагал, что Пушкин продублировал таганрогский архив. Эти материалы могут быть где-то в Сибири.

Но где найдётся теперь энтузиаст, который станет их искать?

Если Рыбкин правильно расшифровал имевшиеся у него документы, то выходит: Пушкин нашёл ключ к истории человечества на десятки тысячелетий! Большой цикл этой истории составляет 20 096 лет.

Время нашей культуры – с 17 548 года до нашей эры по 2 548 год от Рождества Христова.

Цикл делится на 8 эр по 2,5 тысячи лет. В каждой эре по четыре ведущих народа. Что же касается России, то в ней после 1841 года зародилось новое – общественное, соборное – мировоззрение, которое восторжествует после 1998 года, когда весь мир осознает истинное значение нашей Родины...

Иван Рыбкин занимался расшифровкой пушкинского текста.

К примеру – иносказательное толкование о нашем знаменитом Лукоморье – звучит так:

«У лукоморья дуб зелёный»,

«Лукоморье» – Азовское море, беспокойное море, имеет цвет луковой краски из-за глинистых берегов и дна.

«Дуб зелёный» – дуб – дерево, символ знания; зелёный – цвет, символизирующий развитие, молодость; крепкие знания.

«Златая цепь на дубе том» –

символ пушкинских знаний.

«И днём и ночью кот учёный

Всё ходит по цепи кругом»;

Вечное Движение – по часовой стрелке – мужского рода, против часовой стрелки – женского рода...»

И дальше:

«В темнице там царевна тужит»,

«Царевна» – Россия, русский народ. Потому что наша общественная цивилизация – женского рода.

«А бурый волк ей верно служит»;

«Волк» – капитализм; «бурый» – старый.

«Там ступа с Бабою-Ягой

Идёт-бредёт сама собой»;

«Баба-Яга» – колдунья.

«Ступа» – толочь, толковать, растирать, изучать.

А знания законопознавательных наук, несмотря на проклинания и гонения (алхимия, магия, астрология), идут, бредут сами собой.

«Баба-Яга» – некрасивая, незаметная наука движется вперёд.

***«Там царь Кощей над золотом чахнет;
Там русский дух... Там Русью пахнет!»***

У казачества капитализм слабый, хилый, вялый. По духу казачество русское... Там в ритме повторилась Русь!»

В существование этого архива, хранящегося на Дону у потомков атамана, донине не верит официальная наука.

Однако вокруг архива (и даже вокруг самой «идеи архива») уже сложилось целое движение – «Русская наука», сориентированная на поиски исконной прароческой мудрости и вещей пророчеств, содержащихся в творениях первого поэта России.

Ну сложилось – и сложилось, но как же всё-таки обстоит дело с самим архивом?

В далёкие 80-е, когда Иван Рыбкин ещё был жив-здоров, он встречался с главным редактором журнала «Наука и религия». И на резонную просьбу – хотя бы показать один листочек оригинала – ответил, что ещё не пришло время, оговоренное самим Пушкиным – 1998 год.

Сегодня – кстати – срок уже 10 лет, как исполнился...

Чем же вызвано такое длительное хранение?

Тем, что ровно настолько мировоззрение Пушкина опередило своё время. А преждевременные знания могут быть не только бесполезными, но и опасными.

(Например, существует гипотеза: Джордано Бруно казнили не потому, что искажал постулаты церкви, а потому что хотел выводы свои – кстати, абсолютно верные – из этих постулатов обнародовать. А было ещё рано – обыватель бы не понял и случился бы один только вред...)

В 2000 году последователь «Русской науки» Леонид Николаевич Дода поработал в тайном архиве и впервые – на страницах журнала – опубликовал давно желанный листочек из архива. Но текст, опять же, не оригинал – перевод. Оригинал был на старофранцузском.

«Наука и религия» – само собой, не центр почерковой экспертизы – полагается на своих авторов.

На Ваш суд – как говорит редакция журнала: *«...читайте, взвешивайте и оценивайте своим собственным сердцем, своей интуицией»* – Уважаемый Читатель, предлагаемый перевод.

«Вечность – это то, что вечно, не имеет начала и конца. Следственно в нём ни от кого ничего не произошло. Такая Вечность или ничего может существовать только как равенство противоположностей.

Итак, основной (первый) Закон Вечности или Правды – равенство противоположностей. Его общее (абстрактное) выражение может быть представлено графически таким образом: в одном направлении – периодом волны, в двух направлениях – окружностью, имеющей два совершенно одинаковых, но вза-

имно противоположных направления, одно по часовой стрелке, другое против.

Волна, идущая в одном направлении, – время. В абстрактном представлении время – это периодичность или ритмичность, безразлично какая: световая, суточная, годовая или находящаяся внутри предметов – существ. Из этого вытекает, что нет общего, единого мирового времени. У каждого предмета есть своё время – присущая ему ритмичность.

Если у времени выделить, обособить, один период, то это будет особь или предмет. Она состоит из четырёх ясно выраженных частей, называемых фазами. Нетрудно понять, что такая особь в двух направлениях представляет собой окружность, которая имеет те же четыре фазы. Одна ветвь проходит их от первой к четвёртой фазе, а другая, наоборот – от четвёртой к первой».

Вот такой классический образец античной философии.

Что всё это означает?

Пушкин возвращается к нам? Ушёл Поэтом, возвращается Пророком?

Вот-вот мы будем отмечать 210-летие со дня его рождения.

А к своему 200-му юбилею он и придумал такой своеобразный гениальный способ своего воскрешения, утверждают последователи «Русской науки».

Вот выдержки из интервью с Иваном Рыбкиным:

«...В наших родовых архивах есть свидетельства передачи Пушкиным своего научного Архива Дмитрию Кутейникову. Например, письмо племянника Ку-

тейникова, Алексея, своему брату – Ивану. В письме рассказано... он прискакал в Новочеркасск, где в то время был Кутейников, и проговорил с ним всю ночь. Это и был момент передачи Архива. Осенью Пушкин возвращался назад и снова заехал к Кутейникову, который дал Пушкину 5 тысяч рублей золотом безвозвратно. Предполагается, что эти деньги выручили Пушкина от наказания за самовольную поездку.

Иметь дело с казачеством, не будучи казаком, было нельзя, поэтому Пушкин увековечил это событие, написав свой автопортрет верхом на донской лошади, в казачьих доспехах.

...В некоторых случаях Пушкин оставлял белые пятна – там, где явление ещё не имело название. Эти «пятна» заполняли хранители. Так, например, появились названия «СССР», «советский народ» и др.

Это и есть то самое «длительное пушкинское хранение на Дону», история которого началась с момента его передачи на Дон. С этим хранением и связана главная тайна Пушкина

...Существовала ещё библиотека-спутница Архива Пушкина, которую невероятным трудом и подвижничеством всю жизнь собирали сёстры Кутейниковы. Им удалось скупить все ценные книги, которые выходили в России со времён книгопечатания и которые имели отношение к Пушкину. Это требовало огромных средств: книги в то время стоили очень дорого... Пришлось заложить имение Кутейниково под Таганрогом.

Это были книги с автографами Пушкина, вышедшие при его жизни, с его пометками, а также носящие

древние знания, которыми пользовался Пушкин при написании своих научных работ. И книги, которые были написаны по моделям Пушкина великими людьми России, без изучения которых очень трудно понять сейчас и труды самого Пушкина... Некоторые книги были подарены сёстрам Кутейниковым.

К сожалению, благодаря попустительству властей и равнодушию работников культуры многое было уничтожено.

...у последнего, оставшегося на Родине, потомка Кутейниковых – Николая Алексеевича Кузнецова... было оставлено на хранение три больших частных архива: Личные документы и личные переписки атаманов и другой знати Войска Донского с государственными и выдающимися деятелями русской культуры с начала XIX века, и проч. Уникальное собрание русских научных произведений, в основном, XVIII и XIX веков, превышающее 14 тысяч томов (!), и личный архив. Собрание рукописей (работ) русских классиков, которые не могли быть ими опубликованы в своё время из-за несоответствия общественному мнению и цензуре, а потом были неподлежащими передаче на хранение в государственные учреждения, и другое. Первый архив по рассказам Николая Алексеевича был сожжён в селе Кутейниково вместе с помещением, в котором он хранился, интервентами ещё в период революции».

В мае 1976 года Рыбкин писал в отдел рукописей Государственной Библиотеки СССР с предложением о передаче Архива Пушкина, а в феврале 1977 года – об этом же – сотрудникам Пушкинского дома.

За свой счёт, утверждает Рыбкин, он перевёз остатки Архива в Ростовскую научную библиотеку. И до конца жизни серьёзно обвинял сотрудников исполкома Ленинского района в преступном отношении к этим документам.

Архив Пушкина, рассказывают хранители, первоначально представлял собой папку с 200 моделями, скомпонованными в 30 отдельных свитков. Каждый свиток помечен автором датой обнародования. Такие своеобразные таблицы.

Материалы написаны по-французски. Встречаются слова на немецком, итальянском, латинском, персидском, иврите – поэт был полиглотом.

Архив прекрасно сохранился благодаря высокому качеству бумаги с водяными знаками, а от досужих глаз – зашифрован. Хранителям пришлось немало потрудиться над переводом и осмыслением тайных знаний Пушкина.

Все знают, что Гоголь сжёг второй том «Мёртвых душ».

А хранители архива утверждают, что второй том, написанный Гоголем по заданию Пушкина, как предостережение революции начала XX века, не сгорел.

По принципу, что гениальные рукописи не горят?

Якобы второй том «Мёртвых душ» разделён Гоголем на части и распечатан в Синодском издании (которое не подвергалось цензуре) в виде проповедей.

Пушкинская космология-история сродни пророчествам Нострадамуса, только в отличие от «Центурий» основой философических таблиц является космическая математика.

Что это за новая математика Пушкина?

По словам доктора философских наук Г. В. Чефранова, это волновая логика, или логика ритмов, к изучению которой современные учёные только ещё подходят.

Ещё очень поучительна пушкинская периодика национальных революций через каждые 78 лет. Правда, по этой таблице, Октябрьская революция приходится на 1920 год – исход Гражданской войны.

Пушкину видней? Или натяжка его толкователей?

Но волнения в августе 1991 и в октябре 1993 года вроде бы совпали...

С 1979 года, по завещанию Александра Сергеевича, должна была начаться и гласная передача документов компетентным организациям. Поэт отвёл на это около 20 лет, словно предвидя, какое будет сопротивление его научным пророчествам.

Сенсации не поверили.

В бой пошла пресса.

Журнал «Юность» опубликовал ряд статей о *«философических таблицах»* Пушкина.

Спецвыпуск журнала «МИГ», посвящённый научным работам Пушкина, вышел в Таганроге в 1993 году и стал библиографической редкостью – ходит по стране в ксерокопии.

Московское телевидение (МТК) показало девятисерийный фильм, в котором была предоставлена возможность учёным страны высказать мнение по поводу пушкинской модели общественного развития, его объяснения прошлого, настоящего и будущего человечества.

Откликнулось и радиовещание.

И – в завершение наших философических размышлений – исследователи архива рассказывают о «*странных сближениях*» – в разное историческое время; в (казалось бы, случайных) обстоятельствах и событиях; с разными людьми.

Их совпадения обусловлены одним – Провидением.

Приведём только два примера – связанные с Доном.

Пушкин и Лосев.

Хранители утверждают, что своим пребыванием в Новочеркасске в сентябре 1829 года Александр Сергеевич освятил рождение другого гения – Алексея Фёдоровича Лосева. Он родился в этом городе в 1893 году, на Михайловской, № 47 (бывшая Западная), совсем недалеко от места квартирования Пушкина.

Работы Лосева «Античный Космос и современная наука», многотомная «История эстетики» и другие лежат в русле обсуждаемой проблемы.

Сближение другое, ещё более странное.

Таганрог, 1956 год. Судьба сводит в этом загадочном городе Ивана Рыбкина, только недавно принявшего на хранение «Материалы Архива Кутейникова», и вернувшегося из казахской ссылки Александра Солженицына. Они снимают маленький домик, работают по ночам – каждый над своим сокровенным. Наверное, проявляют взаимный интерес к решаемым проблемам.

И через много лет вторая часть «Архипелага Гулага» будет озаглавлена «Вечное движение», а сама эпопея одухотворена пушкинскими словами: *«Вот верный брат его, герой Архипелага»*.

Хранители говорят, что это навеяно воспоминаниями о той, неожиданной и загадочной встрече.

Что можно сказать по поводу всего изложенного?

Краевед Николай Семёнович Коршиков вообще отметал версию о таинственном архиве, хотя бы потому, что по его исследованиям выходит: Пушкин в Новочеркасске занимал деньги вовсе не у Кутейникова.

Викентий Вересаев, например, ссылается на (приводимое ранее) заявление Михаила Пущина о том, что деньгами снабдил он.

Хотя Рыбкин считает, что и Пущин мог напутать. Может, только хотел занять?..

Николай Коршиков в своих исследованиях выяснил, что на поверку не выдерживают никакой критики и брачные связи Кутейниковых-Багратионов-Морозовых-Кузнецовых-Рыбкиных...

Доктор филологических наук профессор РГУ Нина Владимировна Забабурова тоже не принадлежит к стану «таинственноархивцев». В частности, она отмечает, что вряд ли Пушкин стал бы писать по-старофранцузски – язык этот к XVIII веку уже вышел из употребления. В Лицее же, естественно, обучали современному французскому.

Неужели поэт специально учил отмирающее наречие?..

Представьте: Вы хотите что-то донести до потомков. Вы что, будете специально писать с ятями, ижицами и фитами, в надежде на лучшее понимание?..

И ещё один нюанс.

В Ростовском госархиве имеется дело «По прошению вдовы генерала Кутейникова о пересмотре духовного завещания генерала Кутейникова...(1844-1852)».

В этом весьма обширном деле нет и намёков ни на одну книгу, которая бы хранилась в доме атамана в Новочеркасске или же в его имениях. А если бы имелась хоть одна, то непременно бы всплыла – наказной атаман был человеком далеко не бедным и драка наследников по сему – довольно шумной и долгой.

Так что же можно сказать?

Достаточно уважаемые журналы «Наука и религия» и «Юность» публиковали материалы, посвящённые тайному пушкинскому архиву. Вроде бы этим изданиям нету резону искать дешёвую популярность – их и так любят.

В сети «интернет» версия обсуждается по сей день. Кое в каких, не очень академичных исследованиях, данные по этому вопросу – нет-нет, да и мелькнут.

Официальная пушкинистика – всё также обходит тему молчанием.

«У каждого, как известно, свой Пушкин. Чисто человеческое право любить, читать и понимать Пушкина»

на на свой особенный лад никто оспорить не может, ведь поэт писал не только для академических пушкинистов.

Но то, что может заполнить вечерние досуги любителя пушкинской поэзии, не всегда должно становиться достоянием широкой публики. Став врагами цензуры, мы очень легко переступили грань здравого смысла. Ведь ныне, чтобы напечатать любую книгу, даже самую безграмотную, а порой и откровенно клеветническую, необходимо лишь одно – достать деньги на её издание.

Как показывает опыт, чем скандальнее поделка, тем легче её тиражировать», - это мнение Нины Забауровой.

Самый главный минус, конечно же, отсутствие подлинников.

Нет подлинника – нет проблемы.

Но даже, если подлинники и существовали, всё равно, слишком много утаённого, недосказанного, не совсем – точнее, совсем уж «не» – достоверного.

Кое-что, к примеру – сам «Совет хранителей» – прямо-таки калька с псевдоготических романов. Этакий гаррипоттеровский «Орден Феникса»... Да и на секту смахивает...

Неясно с родственниками. Если спокойно жгли документы, выходит, не все представители рода Кутейниковых были «славными»?

И опять же: если на-гора выдан такой огромный архив, то ведь необходимы многие годы для его создания?

Пушкин умер 37 лет от роду, оставив нам огромное количество роскошных литературных строк.

А вот заниматься научными трудами – было ли у него время?

Гусиное перо – не компьютер...

И это – только те нелепости, что привлекают внимание даже непрофессионала.

Всё-таки история не терпит сослагательного наклонения.

Хотя:

*«Там чудеса,
...Там на неведомых дорожках...»*

И –

*...Сказку эту
Теперь поведаю я свету».*

Там, где истории касается перо поэта, история замолкает.

Пушкин ведь! Всё!

Так что же можно сказать по поводу приверженцев этой версии?

Могло такое быть? Не могло?

Всё могло быть.

Не нам судить.

В конце концов, любая версия имеет право на существование.

Верят же люди в пришельцев, привидения, хиромантию... Убеждены, что правы!

Мы не профессионалы-пушкинисты.

Наше? Наше.

Донское? Донское.

Ну вот.

Интересно – и ладно!

Существует литературная экскурсия «Пушкин и Дон»: Ростов-на-Дону – Аксай – Новочеркасск – Ростов-на-Дону.

Продолжительность – аж 6 часов.

В ходе экскурсии – знакомство с историей пребывания на Дону великого поэта в 1820 и 1829 годах.

Среди объектов маршрута – памятник поэту в Ростове, улица его имени, скульптурная композиция «Степан Разин с дружиной».

Какой же путь предлагают туристам?

Ту самую дорогу, по которой путешествовал Пушкин.

Проходила она по территории бывшей крепости Святителя Димитрия Ростовского, через границу – в Нахичевань-на-Дону, затем в станицу Аксайскую – на ямщицко-почтовую станцию.

Заканчивается маршрут в Новочеркасске посещением единственного на Дону Пушкинского музея «Зелёная лампа».

О Таганрогском же музее не говорят ничего.

След Пушкина на Дону до сих пор будоражит воображение, подвигает исследователей на неустанные поиски, окружается легендами и домыслами.

Сверяются и уточняются маршруты его передвижений по земле Войска Донского, круг людей, с которыми мог встречаться и общаться поэт, местоположение мемориальных зданий. И такая работа, во всяких результатах плодотворная и познавательная, будет продолжаться.

Тайн ещё много...

РОСТОВ

Чтобы пройтись по Пушкинской, повода не нужно – эта улица хороша в любое время года.

Конечно, на улице, которая носит сегодня его имя, русский гений тогда побывать не смог.

Причём по весьма уважительной причине – в то время её попросту не было. Нынешняя Пушкинская появилась несколько позже. Изначально она называлась Кузнецкая и, вопреки нынешним временам, утопала в грязи.

Свои нынешние имена Пушкинская и Лермонтовская (бывшая, извините, Навозная) получили в конце 80-х годов XIX века. Но прошли годы, прежде чем бывшую Кузнецкую начали облагораживать.

Знаменитый памятник, гордо возвышающийся на пересечении с проспектом Ворошиловским, появился уже в советское время, в 1959 году. Авторы – скульптор Гавриил Александрович Шульц и архитектор Михаил Адольфович Минкус. Отлит он из бронзы, постамент сделан из украинского красного гранита

Это место в народе полюбили. У подножия бронзового поэта назначают свидания влюблённые, гуляют

родители с малышами. Здесь практически всегда живые цветы.

Ежегодно в день рождения поэта именно на этом месте собираются любители его творчества.

Возможно, именно перемена названия повлияла на судьбу этой улицы.

Уже в конце XIX века этот район стал весьма престижным. Здесь строили и покупали дома богатейшие люди Ростова – достаточно вспомнить особняк купцов Пармоновых, в котором уже многие годы располагается Зональная университетская библиотека.

А большинство ростовчан совсем недавно узнали, что когда-то на Пушкинской, № 83, в доме со львами, жила Сабина Нафтуловна Шпильрейн – знаменитый психоаналитик, ученица Фрейда и Юнга.

Старинные дома до сих пор завораживают своей архитектурой и декором – посмотрите хотя бы на здание Музея изобразительных искусств!

Гуляя по чудесному, зелёному и цветущему бульвару, порой думаешь, что попал в какой-то иной мир – неиндустриальный, что ли. Но, к сожалению, в реальность периодически возвращают разбросанные пивные бутылки и окурки. Видимо, для тех, кто так поступает, эта улица – всё-таки даже не Кузнецкая...

Два ажурных шара, украшающие Пушкинский бульвар в Ростове и посвящённые жизни и творчеству Александра Сергеевича Пушкина, давно уже стали визитной карточкой города. Однако многие обращают внимание на то, что рядом с этими шарами пустует

пятно круглого «плато», словно напоминая о незавершённости композиции и ожидая третьего шара.

- Действительно, изначально шаров было три, в каждом – по шесть изображений, - рассказывает их автор – заслуженный художник России скульптор Анатолий Скнарин. - Первый посвящён жизни поэта, второй – роману «Евгений Онегин», третий – сказкам Пушкина. Старожилы помнят, что те, прежние шары отличались от нынешних. Они задумывались как светильники. Внутри находились яркие лампы, и в тёмное время суток огромные чугунные «планеты» рассеивали вокруг странный, чудесный свет, в котором контрастно выступали фигуры Александра Сергеевича, Натали, Татьяны, Ленского, Онегина...

Но пришли смутные для нашей культуры времена, когда памятники стали цениться не на вес золота, а на вес металла, из которого сделаны.

У Онегина выдрали трость, Ленского с Татьяной оторвали напрочь, выломанный портрет Пушкина нашли брошенным в подземном переходе на Сельмаше.

Восстановить и сохранить шары удалось с большим трудом.

Правда, теперь они уже не светятся.

И всё-таки, куда же делся третий шар – со сказками Пушкина?

История почти детективная. Все три памятных сферы отливали на таганрогском заводе «Гидропресс» в течение полутора лет. Ребят даже специально отправляли в Ленинград, на завод «Монумент-скульптура», где они проходили курс художественного литья.

«Сказкам Пушкина» не повезло: их воплощали в чугуне последними, а к тому времени ростовская мэрия, говоря словами другого классика, «слегка поиздержалась» и не нашла тридцати четырёх тысяч рублей, чтобы выкупить заказ.

Готовый шар простоял в цехе более полугода, а затем рабочие попросту распилили его на части и украсили свои дома пушкинскими сюжетами.

В прямом смысле поэт пошёл в народ.

- Честно говоря, я очень надеялся, что в ходе реконструкции бульвара «Сказки Пушкина» займут предназначенное им место, - признаётся скульптор. – Однако шар так и не появился, нарушен авторский замысел, вместо этого – какие-то аляповатые вазы. Пушкин писал: «Гляжу, как безумный, на чёрную шаль», а я гляжу теми же глазами на творение своих рук.

...Но именно рельефная фотография одного из Пушкинских шаров представлена в самой первой(!), выпущенной в нашей библиотеке, книге рельефно-точечного шрифта.

Называется она «Лики родного города».

...И ещё...

История потомков Александра Сергеевича Пушкина также ярка и удивительна, как неповторимо ярок и удивителен талант их великого родоначальника.

Фамилия поэта – на сегодняшний день – прослеживается почти во всех европейских правящих династиях.

То-то удивились бы все Николаи и Александры Первые, Вторые и прочая!..

Пушкинисты насчитали всего (включая и давно умерших) 237 потомков поэта, из них в живых (на начало восьмидесятых годов – с распадом СССР полные данные собрать не удаётся) числился 171.

Судьба разбросала их по всему белу свету. Сейчас, например, у нас в России проживает 82 представителя этой фамилии, во Франции – 24, в Англии – 20, в США – 12, в Бельгии – 10, в Швейцарии – 6, в ФРГ – 5, в Италии – 3. Шестеро живут на Гавайских островах и трое – в Марокко.

Ну, а что на территории бывшего СССР?

В Иркутске живут потомки поэта Воронцовы; Гибшманы и Нецагины живут в Архангельске; Коровины и Усовы – в Мичуринске; Данилевские – в Петербурге и в Ухте; Савельевы – в Полтаве; Тарлановы – в Петрозаводске; Лукаши и Чалики – в Клину; Кологривовы – в Воронеже; в Саратове – Пушкины-Адамовы; в Тбилиси – Сванидзе.

А в Москве живут представители аж 13 различных фамилий рода Пушкиных!

Что ж, жизнь, вероятно, распорядилась правильно.

Пушкин должен принадлежать всем: и Москве, и Ухте и Гонолулу.

Вот бы всех собрать!

...В Ростове-на-Дону живут Николаевские.

Есть такой шуточный тест на оригинальность мышления: предлагают назвать, не раздумывая, фрукт, число, животное, поэта, цветок и что-то там ещё... Большинство людей на вопрос о поэте на автомате выдают: «Пушкин».

Может быть, это более показательно, чем число томов всяческих литературных и биографических исследований, написанных об Александре Сергеевиче за прошедшие полтора века...

Первоклашек, пытающихся писать свои робкие стихи, дразнят пушкиными; риторический вопрос типа: «А кто за тебя будет работать – Пушкин?» приравнен к фразеологизму.

Столп золотого века русской поэзии, Пушкин, превратился не просто в символ – в архетип, глубоко укоренённый в нашем русском «коллективном бессознательном».

Стихами Пушкина вышито наше детство.

6 июня мы отмечаем день рождения этого великого человека-архетипа.

С чем и хочется поздравить всех.

Именно всех, потому что, даже не являясь фанатом чтения, любой русскоязычный человек не может не знать этого имени и не чувствовать, какое значение поэт имеет для российской культуры в целом.

Для русского Пушкин начинается в детстве с «Золотого петушка» и заканчивается...

Да никогда не заканчивается!

Подростком читаешь «Капитанскую дочку» и «Дубровского», повзрослев, открываешь для себя всё наследие гения; потом, кстати, возвращаешься и к сказкам, чтобы перечитать их – уже совсем взрослым человеком...

О Пушкине даже трудно писать.

Потому что – ну что можно написать о Пушкине?

Это то же самое, что пытаться написать о свете Луны, соловьином пении или о великолепии морского прибоя.

Всё лучшее уже написали до нас.

*

БИБЛИОГРАФИЯ:

Пушкин А. С. П. с.с. М.: «Академия», 1949.

Басина М. Далече от берегов Невы. Л.: «Детская литература», 1985.

Ботов В. С царевной-лягушкой по странам и эпохам. // Чудеса и приключения. – 1998. – № 6. – С. 40.

Броневский В. История Войска Донского. Ростов н /Д: РГУ, 1997.

Бурсов Б. Судьба Пушкина. Л.: «Советский писатель», 1989.

Васильева Л. Жена и Муза. М.: «Атлантида – XXI век», ООО «АСТ», 1999.

Венценосцева Н. Пушкинская – наше всё. // Ростов официальный. – 2008. – № 23. – С. 12.

Вересаев В. Пушкин в жизни. М.: «Молодая гвардия», 1996.

Викторова К. Неизвестный, или Непризнанный Пушкин. М.: «Полиграфия», 1999.

Волконская М. Записки. М.: «Наука», 1984.

Гнутов В. Поэт в краю степей необозримых. Ростов н /Д: Кн. изд-во, 1985.

Грицков В. Забытая история русов. // Чудеса и приключения. – 1994. – № 3. – С. 38.

Гроссман Л. Пушкин. М.: «Молодая гвардия», 1969.

Дода Л. Пленник вечности. // Наука и религия. – 2000. – № 9. – С. 17.

Доризо Н. Моя любовь – загадка века. // Роман-газета. – 1999. – № 15.

Забабурова Н. Пушкин. Ростов н /Д: РГУ, 1999.

Златая цепь на тайном архиве Пушкина. // Наука и религия. – 1995. – № 8. – С. 34.

Золотая рыбка. // Наука и религия. – 1999. – № 6. – С. 19.

Казачий сборник. Новочеркасск: «Слово», 1887.

Каминская М. Сказка – ложь, да в ней намёк на...Танаис? // Наше время. – 2008. – 6 июня. – С. 6.

Карамзин Н. История Государства Российского. М.: «Наука», 1987.

Качура Г. Исправление имён. Таганрог: Пушкинская наука, 1998.

Коршиков Н. А. С. Пушкин на Дону. // Дон. – 1999. – № 6. – С. 228.

Котлов Г. Александр, ты не прав... // Чудеса и приключения. – 1999. – № 3. – С. 36.

Линин А. А. С. Пушкин на Дону и Северном Кавказе. Ростов н /Д: Кн. изд-во, 1941.

Листок из тайного архива. // Наука и религия. – 2000. – № 9. – С. 16.

Моложавенко В. Тайны донских курганов. Ростов н /Д: Кн. изд-во, 1967.

Прометей. Т. 10. М.: «Молодая гвардия», 1974.

Пушкин. Прозрение будущего Руси. М.: «Полиграфия», 2005.

- Пушкинский свиток. М.: «Радуга». 1999.
- Рыбкин И. Завещание Пушкина. // МИГ. – 1993. – № 2. – С. 6.
- Сидоров А. Тайна Пушкинского шара. // Российская газета. – 2007. – 15 июня. – С. 18.
- Скатов Н. Пушкин. М.: «Современник», 1990.
- Скрипов А. Пушкин в Придонье и Приазовье. // Дон. – 1958. – № 1. – С. 26.
- Смирнов В. Крепость Дмитрия Ростовского и красу ростовчанок Пушкин описал в «Капитанской дочке». // Вечерний Ростов. – 2006. – 12 мая. – С. 9.
- Тороп В. Дыхание Борея. // Чудеса и приключения. – 1996. – № 11. – С. 36.
- Тыркова-Вильямс А. Пушкин. М.: «Молодая гвардия», 2004.
- Удовик В. А. С. Пушкин и М. С. Воронцов. // Нева. – 2002. – № 7. – С. 225.
- Цявловский М. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М.: «Молодая гвардия», 1954.
- Человек – архетип. // Ростов официальный. – 2008. – № 23. – С. 1.
- Шумов В. Был и я среди донцов... // Дон. – 2005. – № 1. – С. 49.
- Щербаков В. Владение князя Гвидона в сказке и наяву. // Чудеса и приключения. – 1999. – № 12. – С. 48.
- Щербаков В. Тайны Эры Водолея. М.: «Современник», 1997.

<http://blogs.klerk.ru/community/548/post42401>
http://intravel.su/stati_info.php?id=523
http://laf.nnm.ru/tajnyj_arhiv_pushkina
http://lib.irismedia.org/sait/lib_ru/lib.ru/newproza/sid_urov_a/pushkin.txt.htm
<http://mypushkin.km.ru/view/aA5C79930BCB44EE0B996E36C89A0D41D.htm>
<http://pushkin.kulture.ru/o-pushkine/taynyy-arhiv-pushkina.html>
<http://pushkin.niv.ru/pushkin/mesta/rostov.htm>
<http://www.mercury2000.ru/pages/tours.asp?id=3&id1=18&id2=14>
<http://www.novoчерkassk.ru/news/2005/06/07/11308.shtml>
<http://www.paco.net/odessa/media/word/251/chit.htm>
<http://www.pir.ru/article.asp?ArticleID=4397>
http://www.rambler.ru/news/culture/literature/10493926.html?t_detail=0
<http://www.relga.rsu.ru/n12/zabab2.htm>
<http://www.relga.ru/n41/cult41.htm>
<http://www.rvb.ru/pushkin/02comm/0502.htm>
<http://www.russian-globe.com/N52/Falileeva.Pushkin.htm>
<http://www.vluki.ru/news/1034668800.html>
<http://www.zhiganets.tyurem.net/biblio/001.htm>

Книга «Река. Поэт. История» знакомит читателя с донскими страницами из биографии Александра Сергеевича Пушкина.